

КРИСТИНА ЮРАШ

РАЗВОД
С ГЕНЕРАЛОМ.
БЕЗ ВИНЫ
ВИНОВАТАЯ

Кристина Юраш

**Развод с генералом.
Без вины виноватая**

«Автор»

2026

Юраш К. Ю.

Развод с генералом. Без вины виноватая / К. Ю. Юраш —
«Автор», 2026

— Как вы смеете говорить, что мой отец домогался вас? — произнёс генерал Ассер Вельтер, мой муж. — Он сказал, что вы сбежали с любовником. Вы собираетесь и дальше разыгрывать верную жену или всё-таки скажете правду, где вы были всё это время? Его отец одурманил меня, замуровал заживо в тайном помещении после того, как я отвергла его домогательства. Я провела в темноте несколько дней без еды и воды, а когда невозможным образом оказалась в лесу, с разбитыми в кровь ногами пошла домой. Только за время моего исчезновения старый герцог успел подготовить доказательства моей измены. Теперь Ассер требует развода. Он не знает, что его отец не покинул этот дом после смерти и приходит к слугам по ночам, продолжает охранять свою ложь. До подписания документов осталось несколько часов. Но даже если я успею доказать, что не предавала мужа, останется другой вопрос. Смогу ли я простить Ассера за то, что он поверил мертвецу, но не поверил жене, которая вернулась к нему из собственной могилы?

© Юраш К. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	6
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	20
Глава 8	21
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	31
Глава 15	33
Глава 16	34
Глава 17	36
Глава 18	38
Глава 19	40
Глава 20	42
Глава 21	43
Глава 22	45
Глава 23	47
Глава 24	49
Глава 25	51
Глава 26	53
Глава 27	55
Глава 28	57
Глава 29	59
Глава 30	61
Глава 31	63
Глава 32	65
Глава 33	66
Глава 34	67
Глава 35	69
Глава 36	71
Глава 37	73
Глава 38	75
Глава 39	77
Глава 40	79
Глава 41	80
Глава 42	82
Глава 43	83
Глава 44	85
Глава 45	86

Конец ознакомительного фрагмента.

88

Кристина Юраш

Развод с генералом. Без вины виноватая

ПРОЛОГ

— Как вы смеете говорить, что мой отец домогался вас? — произнёс генерал Ассер Вельтер, мой муж. — Он сказал, что вы сбежали с любовником. Вы собираетесь и дальше разыгрывать верную жену или всё-таки скажете правду, где вы были все это время?

Он стоял по другую сторону письменного стола и смотрел на меня так, словно перед ним находилась пленница, пойманная на месте преступления.

Перед ним лежали бумаги. Пока я говорила, Ассер машинально подровнял верхний лист по краю стола, поправил перо и сдвинул чернильницу на пару пальцев вправо. Я слишком хорошо знала этот жест. Когда мой муж не мог привести в порядок происходящее, он начинал приводить в порядок всё, до чего мог дотянуться.

Пальцы сильнее сжали подлокотники. Только тогда я почувствовала, что ладони стали влажными, а ногти скользят по гладкому дереву. Я попыталась вдохнуть глубже, но грудь словно перетянули ремнём.

Всю дорогу мне казалось, что самое страшное — рассказать Ассеру правду. Я не знала, что гораздо страшнее говорить её человеку, который уже решил, что ты лжёшь.

Я столько раз представляла нашу встречу.

В темноте, когда уже не оставалось сил кричать, я закрывала глаза и вспоминала Ассера. Убеждала себя, что он скоро вернётся. Найдёт меня. Вытащит из каменного мешка, в котором не было ни окон, ни дверей. Я представляла, как услышу его голос, как он подхватит меня на руки и прижмёт к себе. И тогда можно будет наконец перестать бояться чудовища, которое возжелало меня в тот момент, когда я впервые переступила порог дома Вельтер. Чудовища, которое Вельтер называл своим отцом.

И вот мой муж вернулся.

Только не ко мне.

Чёрный цвет ему шёл. Шёл до боли, до неправильного, почти постыдного восхищения, которое я всё равно почувствовала, несмотря на страх, усталость и слова обвинения, только что брошенные мне в лицо.

Траурный военный мундир подчёркивал ширину плеч и туго облегал сильное тело. Серебряные застёжки тускло блестели на груди. Чёрные волосы, ставшие за время разлуки немного длиннее, были собраны на затылке узкой лентой. Несколько прядей выбились и падали на высокий лоб. На скуле темнела тонкая, ещё свежая царапина, а под глазами залегли тени.

Война сделала его жёстче. Опаснее. Ещё красивее.

Золотистые глаза дракона, которые когда-то теплели при виде меня, сейчас смотрели холодно и внимательно. Так Ассер, наверное, смотрел на вражеских офицеров перед допросом.

Я сидела в кресле напротив него, боясь пошевелиться. Разбитые ноги горели. Подол голубого платья, в котором меня похитили, превратился в грязные лохмотья. Из нескольких пустых креплений торчали погнутые серебряные зубцы. Там раньше сверкали бриллианты. Но последние бриллианты я отдала женщине из деревни за воду, хлеб, старый платок и указание дороги.

Мне казалось, стоит подняться — и ноги снова откажут. И я упаду в кресло, не в силах сделать даже шага.

Впрочем, Ассер уже видел, как я падаю.

Лекаря Ассер приказал вызвать ещё в холле. Я сама отказалась от осмотра, пока муж меня не выслушает. Мне казалось, что для правды каждая минута на счету.

Когда я вошла в дом и заметила его возле лестницы, сил хватило только на то, чтобы произнести его имя. Я бросилась к нему, сделала два шага и начала оседать на пол.

Он поймал меня.

На несколько коротких мгновений я оказалась в его руках. Прижалась щекой к чёрному мундиру, вдохнула знакомый запах кожи, дыма и холодного ветра. Пальцы сами сжали плотную ткань у него на груди. Словно сама судьба вымолила это мгновение для меня. То, о чем я мечтала в сыром каменном мешке. То, что снилось мне, когда я умирала от голода и осознания: “Меня никогда не найдут...”.

— Ты вернулся, — прошептала я. — Ассер... Я знала... Я знала...

Его руки замерли на моей талии. А потом он отстранил меня и спросил:

— Где он?

Я не сразу поняла, о ком муж говорит.

Теперь поняла.

— Я не разыгрываю верную жену, — ответила я. Голос дрожал, но я заставила себя смотреть на него. — И я ни с кем не сбегала. Всё, что рассказал тебе отец, — ложь.

На скулах Ассера заходили желваки.

— Осторожнее, Эльсвита. Ты ходишь по тонкой грани моего терпения.

За весь разговор он впервые назвал меня по имени. Но в его голосе не было ни прежней нежности, ни радости от встречи. Только предупреждение.

— Почему я должна молчать? Потому что он умер? Смерть не превратила его в хорошего человека. Твой отец лгал тебе при жизни и продолжал лгать, когда умирал! — выкрикнула я, понимая, что он верит своему отцу, а не мне.

Я резко поднялась.

Комната покачнулась. Свет летнего дня, льющийся через распахнутые окна, на мгновение померк. Колени подломились, но Ассер оказался рядом прежде, чем я успела ухватиться за край стола.

Одна его рука обхватила меня за талию. Вторая сжала предплечье. Пальцы были горячими даже сквозь измятую ткань рукава.

— Сядьте, — приказал он так, словно выплюнул это слово.

— Я не просила меня ловить, — прошептала я, глядя на знакомый кабинет. После стольких дней заточения, когда я слизывала со стен капли воды, после недели слепоты, краски вдруг стали ярче. Все вокруг казалось таким ярким и красивым. И от этого начинала болеть голова.

— В следующий раз предупрежу пол.

Он усадил меня в кресло и тут же отступил, словно прикосновение ко мне было ошибкой, которую он не собирался повторять.

От его сухого ответа у меня на мгновение перехватило дыхание. Прежний Ассер тоже умел быть невыносимым. Мог сказать что-нибудь таким серьёзным голосом, что я несколько секунд не понимала, шутит он или действительно собирается отдать приказ арестовать дождь за испорченные планы.

Но прежде в уголках его глаз появлялись тонкие морщинки.

Сейчас он не шутил.

Я отвернулась и только тогда снова увидела портрет.

Он висел над камином. Наш свадебный портрет. Ассер в парадном мундире стоял за моим креслом, положив руку мне на плечо. Художнику удалось передать и золотой блеск его глаз, и едва заметную улыбку, которую муж обычно позволял видеть только мне.

Моего лица на портрете не было.

Кто-то старательно вымарал его чёрной краской. Несколько яростных мазков пересекали шею и грудь, но особенно густо краска лежала там, где прежде были мои глаза и улыбка.

Я уже видела то же самое в холле. На портрете возле лестницы. На небольшой картине в коридоре. Даже на семейной миниатюре, стоявшей возле часов.

Везде лицо Ассера оставалось нетронутым.

Моё уничтожили.

Я машинально коснулась собственной щеки. Под пальцами оказалась кожа, грязь, тонкая корочка над царапиной. Моё лицо всё ещё было на месте.

Только в этом доме его больше не существовало.

К горлу подкатила тошнота. Мне захотелось закрыться руками, спрятаться от Ассера, от портрета, от всех людей, которые проходили мимо этих картин и видели, как меня вычеркнули из семьи.

— Кто это сделал? — спросила я, не узнавая собственного голоса.

Муж проследил за моим взглядом.

— Отец приказал испортить все ваши портреты. После того как узнал правду. Так поступают со всеми женщинами, которые посмели бросить тень на род Вельтер.

— Он ненавидел меня за то, что я ему отказала! — прошептала я, сжимая подлокотники.

Ассер медленно повернул голову.

— В чём именно?

Я облизнула пересохшие губы. Хотела сказать сразу, но слова застряли в горле. Перед глазами на мгновение возникла тяжёлая штора в гостиной. Блики огня на бокале. Старческая рука с массивным герцогским перстнем, медленно скользящая по моей щеке.

От воспоминания к горлу подкатила тошнота. В груди и в животе что-то несколько раз резко дернулось спазмом.

— Он домогался меня, — выговорила я, чувствуя, как стучат мои зубы. — Пока тебя не было. Сначала говорил, что наш брак был ошибкой. Потом предлагал деньги. Обещал сделать так, чтобы я ни в чём не нуждалась, если... если стану принадлежать только ему. Он называл тебя щенком, который недостойн такой красоты... И надеялся, что ты... ты... погибнешь...

Глава 1

В кабинете стало так тихо, что я услышала, как на каминной полке отсчитывают секунды часы.

Ассер не пошевелился.

Только пальцы его правой руки медленно сжались. На костяшках на мгновение проступили тёмные чешуйки, но тут же исчезли под кожей.

— Вы обвиняете моего отца в том, что он пытался соблазнить жену собственного сына? — переспросил Ассер настолько тихо, что мне захотелось отодвинуться вместе с креслом.

Его пальцы медленно сжались. На костяшках проступила чёрная чешуя, а золотистые глаза вспыхнули так ярко, словно дракон уже смотрел на меня изнутри человеческого тела.

— Он требовал. Он был уверен, что я соглашусь, потому что мне некуда идти. Потому что после смерти родителей у меня никого не осталось. А когда я отказала ему... — произнесла я, глядя на луч света, пробившийся сквозь плотные шторы. Они прятали наш скандал от мира, от любопытных, от соседей. И мне показалось, что этот солнечный луч был благословением правды.

В памяти что-то дрогнуло.

Горький вкус на языке. Плывущий перед глазами свет камина.

Я простонала, схватилась за виски, пытаюсь удержать воспоминание, но оно расплзлось тёмным дурманом.

— Допустим. Я сейчас хочу услышать вашу версию. Что произошло, когда вы отказали? — спросил Ассер, глядя на меня глазами палача.

— Я не знаю... Не всё помню. В тот вечер он приказал подать ужин в малой гостиной. Мы были вдвоём. Он снова заговорил о тебе, сказал, что война затянется и ты можешь не вернуться. А потом налил мне вина...

Горло сдавило. Я снова почувствовала ту приторную сладость, за которой почти сразу появилась горечь.

— В вине что-то было. Я попыталась подняться, но не смогла. Тело перестало меня слушаться. Он подошёл... наклонился... А потом я очнулась в темноте.

— Как удобно вы все это придумали! Отравленное вино и темнота! — заметил насмешливо Ассер, глядя на меня с презрением.

Я вскинула голову:

— Что это значит?

— Значит, ваша история становится всё удобнее. Вы ничего не помните, ничего не видели и ничего не можете доказать. Легко свалить всю вину на покойного. Вряд ли он сможет оправдаться. Что ж, продолжайте... Я вас внимательно слушаю...

— Меня одурманили! Что я должна помнить? — вспыхнула я, вспоминая это вязкое чувство внутри.

— Бедный папа. Если бы он слышал, как моя неверная жена пытается прикрыться его честью, он бы, наверное, не стал молчать! — усмехнулся Ассер. — Мадам, вы в своей лжи переходите все границы дозволенного. Поэтому я требую, чтобы вы прекратили порочить имя моего отца ради спасения вашей жалкой чести!

Ассер резко ударил ладонью по столу.

Чернильница подпрыгнула. Чёрная капля упала на раскрытую книгу и медленно растеклась по белой странице.

— Довольно! — Голос мужа впервые сорвался. — Мой отец умер у меня на руках. Я приехал раньше назначенного срока, потому что получил известие о его состоянии. Он едва мог говорить, но просил меня не преследовать вас и не мстить человеку, с которым вы сбе-

жали. Он до последнего защищал женщину, которая опозорила его дом. И я не позволю вам воспользоваться его смертью, чтобы сделать виновным его! Никогда!

Глава 2

Я смотрела на Ассера и чувствовала, как внутри что-то осыпается, как старая штукатурка.

Старый герцог всё продумал. Даже собственную смерть сумел превратить в доказательство моей вины.

— Он знал, что ты емуверишь, — прошептала я, чувствуя, как отчаяние поднимается откуда-то из глубин души. Черное, беспросветное, как вечная ночь сырой камеры.

— Я не хотел верить. До последнего не хотел верить в то, что моя жена сбежала с другим....

Последние слова прозвучали тише, но ударили сильнее крика.

Ассер отвернулся, подошёл к окну и несколько секунд смотрел на залитый солнцем сад. Чёрная ткань туго натянулась между его лопатками. Я вспомнила, как когда-то обнимала его со спины, прижималась щекой к этому сильному плечу, а он накрывал мои руки своими и спрашивал, не пытаюсь ли я задушить дракона.

Никому другому Ассер не позволял подходить к себе со спины. Это осталось после войны: дверь должна быть в поле зрения, шаги — слышны, руки человека — видны. Меня он почему-то считал исключением.

— Знаешь, что делают с теми, кто нападает на генерала со спины? — однажды спросил он, когда я обняла его.

— Расстреливают?

— Смотря кто напал.

— А если жена?

Ассер повернул голову и совершенно серьёзно ответил:

— Обычно жена до утра не покидает спальню.

Я так ждала его. Каждый день. Каждую ночь.

А теперь он стоял в нескольких шагах от меня, и между нами лежало тело его отца.

— Я называл его подозрения оскорбительными, — продолжил Ассер, не оборачиваясь. — Говорил, что доверяю жене. Что вы можете быть избалованной, вспыльчивой, совершенно невыносимой, но никогда меня не предадите. Никогда!

— Я и не предавала, — выпалила я со слезами на глазах.

— Конечно. Я так вам и поверил. Ваши письма оборвались одиннадцать месяцев назад. Отец писал, что вы часто уезжаете из дома. Что по ночам вас видят в саду в компании мужчины. Я снова не поверил. Решил, что он мстит мне за наш брак, на который не давал разрешения.

— Он действительно мстил! — задохнулась я, чувствуя, как меня трясёт.

— И чемодан, который вы собирали — это тоже часть мести, не так ли? — спросил Ассер, глядя на меня с отвращением.

— Да! Я в тот день собирала чемодан. Я хотела уехать! Снять дом! — задышалась я. — Чтобы ваш отец оставил меня в покое! Только поэтому! Никаких любовников не было!

Ассер повернулся. По его лицу было неясно, верит он хоть немного или нет.

— Где вас держали? — сухо спросил он. Его глаза стали такими холодными, словно я для него уже ничего не значу.

Вопрос прозвучал неожиданно. Я подалась вперёд:

— Я не знаю, — хрипло ответила я, пытаясь вспомнить хоть малейшую деталь.

— Вы были в доме? — вопрос заставлял меня ворошить прошлое. И страх, паника, боль — всё это возвращалось с новой силой вместе с воспоминаниями.

— Не знаю.

— В городе? В деревне? В старом форте?

— Я ничего не видела! Там не было окон, — прошептала я, пряча лицо в руках.

— Сколько дней вы провели взаперти?

— Я... не уверена. Сначала пыталась считать. Потом потеряла счёт. Там не было ни окна, ни часов! — шептала я, а тело вздрагивало так, словно вернулось в эту темноту.

— Кто приносил вам пищу?

— Мне не приносили пищу! Меня замуровали! Заживо! — выдохнула я.

— Где находилась дверь?

— Её не было.

Его бровь едва заметно поднялась.

— Как вы попали в помещение без двери?

Глава 3

— Там была дверь. Сначала. Я видела полоску света под ней. А потом услышала удары. Камень скрежетал о камень, с потолка сыпалась пыль. Они закладывали вход снаружи. Я кричала, пока не сорвала голос. Просила выпустить меня. Обещала... обещала всё, что угодно... Только не... то, чего просил ваш отец.

Голос дрогнул.

Перед глазами снова возникла темнота. Не та, что бывает ночью, когда сквозь занавески всё равно проникает лунный свет. В камере темнота была живой. Она давила на лицо, забивалась в рот, заставляла сомневаться, открыты ли у меня глаза или закрыты.

Я спала, прижавшись спиной к сырой стене. Просыпалась от собственного крика. На ощупь искала кувшин. Однажды опрокинула его и потом ползала по каменному полу, пытаясь слизать воду со стен.

— Там была такая темнота, — прошептала я. — Я перестала понимать, сплю или бодрствую. Потом закончилась вода. Я ещё долго звала. А после... после легла возле стены. Я знала, что умру. Просто ждала.

Ассер смотрел на меня.

На одно короткое мгновение в его глазах что-то изменилось. Взгляд скользнул по моему лицу, потрескавшимся губам, грязному платью и рукам, на которых до сих пор остались сломанные ногти.

Словно он увидел. Не меня — следы того, что со мной сделали. Но затем его лицо снова стало непроницаемым.

— И всё же вы здесь.

Тепло, только что появившееся в груди под его взглядом, мгновенно исчезло. Пальцы разжались и бессильно соскользнули с подлокотников.

На одно мгновение мне показалось, что он увидел мои сломанные ногти и поверил. Но Ассер разглядывал не доказательства моих мучений. Он искал очередную ошибку в моей лжи.

— Что? — очнулась я от воспоминаний о кошмаре.

— Вход замурован. Воды нет. Вы приготовились умереть. Однако сейчас сидите передо мной и рассказываете эту удивительную историю. Как вам удалось выбраться? — ледяным голосом произнес Ассер.

Он посмотрел на меня так, что я почувствовала. Путь в его сердце уже закрыт, как дверь. Осталась маленькая тонкая полоска света перед тем, как ее заложат кирпичом навсегда.

— Это прозвучит очень странно... Знаю, я сама до конца в это не верю... Я сама не могу найти этому никакого объяснения...

— Да говорите уже! — вспыхнул Ассер

— Я... я не знаю, — прошептала я.

Он тихо усмехнулся.

— И вот здесь вы уже сами начинаете понимать, что заврались окончательно. Что ж, послушаем, что вы придумаете на этот раз! Мне уже самому интересно, — произнес Ассер, а я молилась на ту крошечную полоску света. На что-то, что заставит его усомниться в словах отца.

— Я действительно не знаю! Я потеряла сознание в камере, а очнулась в лесу. Лежала на земле, среди мокрых листьев. Сначала решила, что мне снится. Я боялась открыть глаза, потому что думала: если пошевелюсь, снова окажусь там, — прошептала я, ощупывая рукой пространство.

— И куда исчезли стены?

— Не знаю! — всхлипнула я.

— Кто вынес вас из камеры? — в голосе мужа слышалась насмешка, словно он для себя уже всё решил.

Словно каждое моё слово причиняло ему боль, которую он немедленно превращал в насмешку.

— Я никого не видала!

— Если вы выбрались не сами, то, значит, вас спасли. Интересно, почему этот человек не доставил вас домой? Почему он бросил вас в лесу?

Глава 4

— Я не знаю! — выдавила я, прижимая лицо к рукам.

Каждый вопрос будто затягивал петлю на моей шее.

Я говорила правду. Только моя правда звучала безумнее любой лжи.

— Я дошла до деревни, — торопливо продолжила я, боясь, что он сейчас отвернётся и больше не станет слушать. — Там мне дали воды. Женщина по имени Марита пустила меня переночевать.

— Одну минуту! — произнес генерал.

Ассер резко дёрнул шнур звонка. Когда в кабинет вошёл дворецкий, муж даже не посмотрел в его сторону.

— Найдите в ближайших деревнях женщину, — приказал генерал, продолжая следить за моим лицом. — Деревня на дороге к поместью, имя — Марита. Узнайте, когда госпожа Вельтер появилась у неё, в каком состоянии и чем расплатилась.

Дворецкий коротко поклонился и вышел, а Ассер снова повернулся ко мне.

— Я проверю каждое ваше слово, Эльсвита, — предупредил он. — Но если окажется, что такой женщины не существует, этот разговор закончится немедленно.

Я смотрела на него, вспоминая как жадно пила из крынки молоко. Как задыхалась запахом свежего сена. И как ко мне возвращались силы.

От одного воспоминания рот наполнился слюной, а пустой желудок болезненно свело. Я незаметно прижала ладонь к животу, стараясь не показать Ассеру очередную слабость.

Он всё равно заметил. Его взгляд на мгновение опустился к моей руке, но лицо мужа осталось неподвижным.

— Продолжайте, — кивнул Ассер.

— Я узнала, какой сегодня день. И что провела в заточении одиннадцать дней. Я отдала ей два бриллианта. Потом пошла сюда. Я знала, что ты должен вернуться сегодня. А когда увидела возле дома твою карету...

— Бриллианты, — перебил Ассер. — Удобно.

— Что?

— Отец сообщил, что перед побегом вы забрали часть фамильных украшений! — заметил муж, а улыбка, застывшая на его лице предвещала начало конца.

У меня похолодели пальцы.

— Я ничего не брала!

На этот раз в моем голосе послышалась твердость.

— Но драгоценности у вас были.

— На платье! Посмотри! Вот! Я взяла из корсажа и юбки! — закричала я.

Я схватила подол и подняла изорванную ткань, показывая пустые крепления. Несколько нитей не выдержали и с сухим треском лопнули.

Ассер посмотрел.

— Я отдала всё, что могла выломать, — продолжила я. — Мне нужна была вода. Еда. Я не знала, сколько ещё идти.

— А остальные камни?

— Какие остальные? Наверное... они выпали там.... В темнице... — прошептала я, глядя грязную и измятую ткань рукой.

Он не ответил.

Вместо этого вернулся к письменному столу, открыл верхний ящик и достал перевязанную голубой лентой стопку писем.

Я узнала ленту.

В этом был весь Ассер. Драконы, если верить легендам, хранили золото. Мой муж хранил совершенно бесполезный мусор. Однажды я случайно обнаружила в нижнем ящике его стола сломанную шпильку, ленту с моего первого бального платья и записку, в которой просила его купить по дороге домой мёд.

— Зачем тебе это? — спросила я тогда.

— Это моя сокровищница. Не трогай.

Я решила, что он шутит. Теперь уже не была уверена.

Когда-то она украшала моё любимое домашнее платье. Ассер сам развязал её в последнюю ночь перед отъездом, долго рассматривал, а потом сказал, что никогда не понимал назначения подобных мелочей, пока не обнаружил, насколько приятно снимать их с жены.

От воспоминания стало ещё больнее.

Кожа под высоким воротом платья вспыхнула, словно пальцы Ассера снова коснулись моей шеи. Тело помнило ту ночь гораздо лучше, чем следовало. Помнило его дыхание, тепло ладоней и то, как эта самая лента медленно скользнула на пол.

Теперь ею перевязали доказательства моей измены.

Меня замутило.

— Где ты это взял? — спросила я, глядя на стопку писем в его руке.

— Отец передал мне перед смертью. Он приказал обыскать вашу комнату. И эти письма нашли в вашем секретере, — произнес Ассер, распутывая узел ленты. — Доказательство вашей измены.

Ассер развязал ленту. Бумага прошелестела в его руках.

— Вы уверены, что хотите продолжать?

Глава 5

— Я впервые их вижу! — скрипнула зубами я.

— Сомневаюсь.

Он раскрыл первое письмо.

— «Дорогая Эльсвита! Наша последняя встреча не выходит у меня из головы. Ты права. Нам нужно бежать. Твой муж вернётся с войны и увезёт тебя, а я не переживу новой разлуки...» Я вскочила.

На этот раз удержалась на ногах, вцепившись в подлокотники.

— Я не получала этого письма! Это всё ложь! Я ни с кем не переписывалась! Я не знаю, что это за письма и почему кто-то обмотал вокруг них мою ленту!

— «Как только будешь готова, оставь мне знак на скамье возле розовой беседки. Я пойму, что ты согласна», — прочитал Ассер. Я видела, как каждое слово причиняет ему боль, словно кто-то проворачивает кинжал в открытой ране.

Он приподнял ту самую ленту, которой были перевязаны письма.

Меня снова начало трясти.

— Кто это написал?

— Капитан Рейнар Восс.

Имя показалось знакомым. Я несколько секунд пыталась вспомнить, где слышала его.

И вспомнила.

Высокий светловолосый офицер дважды приезжал в поместье. Привозил письма Ассера и распоряжения для старого герцога. Я принимала его в большой гостиной, в присутствии слуг.

Никогда не видела в саду. Не разговаривала с ним наедине. Даже не знала его имени, пока он не представился в первый приезд.

— Он привозил мне твои письма, — сказала я. — Только поэтому я с ним разговаривала. Можешь спросить у него! Я не думаю, что капитан Восс в сговоре!

Ассер посмотрел на меня, а потом усмехнулся.

— Тогда у меня для вас очень неприятные новости.

— Капитан Восс пропал несколько дней назад. Время его пропажи совпало со временем вашей пропажи. Я это проверил.

В голосе Ассера появилась такая горечь, что мне стало трудно дышать.

— Я доверял ему, — продолжил он. — Он был моим адъютантом. Ел за моим столом. Однажды закрыл меня собой во время нападения. Поэтому мне и в голову не пришло, что, приезжая в мой дом, он встречается с моей женой! — скрипнул зубами Ассер.

— Он не встречался со мной! А если он привозил письмо, то вручал его в присутствии слуг! — спорила я, понимая, что трачу на это последние силы.

— После последней поездки в поместье капитан Восс не вернулся в часть. Его лошадь нашли возле северной дороги. Сам он исчез.

— И ты решил, что мы сбежали вместе? — горько спросила я.

— Нет. Я решил, что его убили. Послал людей на поиски. А потом получил письмо от отца.

— Он всё подстроил! — задыхнулась я.

— Разумеется. Отец подделал чужие письма. Заставил моего офицера дезертировать. Спрятал вас в комнате без дверей, а затем каким-то образом перенёс в лес. Это всё он. И только он.

— Я не знаю, как оказалась в лесу! Сколько раз я должна это повторить! Сколько?! Это правда! Ты должен мне поверить.

Что-то дрогнуло в его лице.

Он медленно расстегнул верхнюю застёжку мундира и достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист.

Бумага побелела на сгибах и чуть растрепалась по краям, словно письмо раскрывали десятки, если не сотни раз.

— Это последнее письмо, которое я получил от вас, — произнёс Ассер. — Я носил его с собой одиннадцать месяцев. Читал после каждого сражения. Когда думал, что не доживу до утра, читал снова. И больше писем от вас не было! Ни одного!

Глава 6

Под рёбрами болезненно сжалось.

Он не выбросил моё письмо. Не сжёг после рассказа отца. Всё это время носил его возле сердца.

Я потянулась к потрёпанному листу, но пальцы задрожали так сильно, что пришлось сжать их в кулак. Между нами оставалось всего несколько шагов, а прикоснуться к письму, которое когда-то принадлежало мне, я уже не могла.

— Я писала каждый день! Каждый день! — задыхалась я. — Это ты мне не отвечал! О, кажется, я догадываюсь, чьих это рук дело!

— Хватит!

По кабинету прокатился низкий гул. Стёкла в окнах задрожали. В золотых глазах мужа на мгновение вспыхнуло драконье пламя.

Я отшатнулась.

Ассер это заметил. Закрыв глаза, медленно вдохнул и заставил дракона отступить.

Когда он заговорил снова, голос звучал пугающе спокойно:

— После смерти матушки мой отец не проявлял интереса ни к одной женщине. Он считал поздний брак жалкой попыткой обмануть старость, а страсть — слабостью, недостойной дракона. Когда я женился на тебе вопреки его воле, он называл меня ослепшим щенком, который позволил красивому лицу лишиться его разума. И теперь ты хочешь убедить меня, что стоило мне уехать, как этот человек забыл сорок лет верности и потребовал, чтобы жена его сына стала его любовницей?

Я открыла рот, но Ассер не позволил мне ответить.

— Он вырастил меня. Обучил всему, что я знаю. Я многим ему обязан. И именно поэтому не собираюсь слушать, как какая-то...

Генерал осёкся. Я увидела, какое слово едва не сорвалось с его губ, но он плотно сомкнул их, проглотив оскорбление.

— ...пытается очернить его доброе имя в его доме после его смерти.

Что бы я ни сказала теперь, Ассер уже слышал это из уст умирающего отца.

Я схватила его за руку. Под ладонью оказался тяжёлый металл.

Герцогский перстень. Тот самый, который прежде носил его отец. Меня обожгло холодом воспоминаний.

Не обычной прохладой золота. Ледяная боль прошла пальцы и рванулась вверх по руке. Перед глазами вспыхнула темнота. На мгновение я снова ощутила под коленями каменный пол и услышала над собой старческий голос:

«Не заставляй меня ждать, Эльсвита... Мне не нравится твое упрямство... Мой сын не станет нам помехой. Обещаю...».

Муж резко высвободил руку, словно одно мое прикосновение вызывало у него внутри бурю.

Он сделал несколько глубоких вдохов, а потом произнёс сухо и официально:

— Сегодня утром я направил в королевский суд прошение о расторжении нашего брака.

Я не сразу поняла смысл сказанного.

Слова дошли до меня постепенно. Сначала исчезли все звуки, кроме стука часов. Затем холод разлился под рёбрами. Пальцы онемели, будто я снова коснулась проклятого перстня.

— Ты... что сделал?

Глава 7

— Подал на развод! — припечатал Ассер.

— До того, как поговорил со мной? — задохнулась я, понимая, что он мне не верит.

— Доказательств, которые предоставил мой отец перед смертью, оказалось достаточно, чтобы я решился на то, на что никогда бы не мог решиться раньше. Разговор с тобой только убедил меня в том, что отец был прав. У него есть доказательства. У тебя нет! Он сказал, что относился к тебе с заботой, с добротой. Поддерживал тебя, проводил с тобой много времени, утешал тебя... И ты отплатила ему гнусной ложью!

— Глупец! — Голос сорвался. — Я здесь. Я твоя жена. Я ждала тебя, пока не закончилась вода. Я звала тебя, когда уже не могла кричать. Я ползла к этим дверям, потому что верила: стоит мне добраться до дома, и ты хотя бы выслушаешь меня!

— Я выслушал. Надеюсь, что ты довольна.

— Ты даже не пытался мне поверить! Не пытался! — задыхалась я. — Даже не пробовал...

Ассер молчал.

Я подняла полные слез глаза и посмотрела на него, на красивое, ставшее чужим лицо, на чёрный мундир, который так жестоко ему шёл, и чувствовала, как умирает последняя надежда.

— У тебя нет ни единого доказательства, — заметил Ассер.

Я опустила голову, как вдруг почувствовала запах. Не настоящий. В памяти. Один вдох, который может изменить всё.

— Хорошо. А если доказательство есть?

Ассер медленно повернул голову.

— Какое доказательство? — спросил он, и в его голосе впервые не прозвучало ни насмешки, ни презрения. Только усталость человека, который слишком долго ждал от меня правды и теперь заранее ненавидел себя за то, что всё ещё готов слушать.

— Запах, — выдохнула я, боясь пошевелиться и спугнуть воспоминание.

Несколько секунд муж смотрел на меня, а потом устало прикрыл глаза. Его пальцы легли на край стола. Я увидела, как побелели костяшки, и поняла: он снова прячет боль за издевательской холодностью.

— Разумеется, — произнёс Ассер с горькой усмешкой. — После комнаты без двери и чудесного пробуждения в лесу в вашей истории должен появиться ещё и загадочный запах. Продолжайте, Эльсвита. Я постараюсь не лишить вас вдохновения.

— Тубероза, — перебила я, чувствуя, как от внезапной надежды закружилась голова. — Когда меня несли, я чувствовала запах туберозы. Его сложно перепутать!

Насмешка медленно исчезла с его лица.

Ассер выпрямился. Чёрный мундир туго натянулся на широких плечах, серебряные застёжки блеснули в солнечном луче. Ещё мгновение назад передо мной стоял оскорблённый муж. Теперь на меня смотрел генерал, услышавший в бессвязном рассказе пленника одну деталь, которая могла изменить всё.

— В поместье не выращивают туберозу, — произнёс он уже без усмешки, но его взгляд стал слишком внимательным.

— Выращивают, — возразила я и подалась вперёд. — В старой оранжерее твоей матери. Это ее любимые цветы!

Едва заметное движение его бровей подсказало, что я не ошиблась.

— Кто рассказал вам о ней? — тихо спросил Ассер, не сводя с меня золотистых глаз.

Глава 8

— Твой отец сам водил меня туда, — ответила я, заставляя себя не отводить взгляд. — Один раз. Через месяц после твоего отъезда. Когда все еще было... относительно хорошо...

Ассер медленно убрал руку со стола. На пальце сверкнул герцогский перстень, и меня снова обдало могильным холодом. Я почти почувствовала на щеке прикосновение старого герцога.

«Моя жена любила эти цветы. Но рядом с тобой даже они кажутся невзрачными».

Тогда я сделала вид, что не услышала. И уже потом, когда обдумывала эти слова, убеждала себя, что поняла их неправильно. Это наверняка было что-то отеческое. А уж никак не... то, что я подумала. Я помню, как отошла к дальней клумбе, позвала садовника и до самого ужина старалась не оставаться с герцогом наедине. Что-то внутри неприятно сжималось, когда я вспоминала его взгляд и прикосновение. Именно тогда все и началось.

— Отец никого туда не пускал, — произнёс Ассер, и за внешним спокойствием мне послышалось первое сомнение. — После смерти матери он запирает оранжерею сам. И сам лично заботился о растениях.

— Меня пустил, — напомнила я, сжимая пальцы, чтобы унять дрожь. — Он показал белые цветы возле дальней стены и запретил срезать даже один. Сказал, что это последние туберозы того сорта, который любила герцогиня. Больше их здесь нет. Что раньше они росли в саду, но их пришлось перенести сюда. Я не помню, почему их перенесли, но помню их запах.

Муж ничего не ответил.

Я поднялась слишком резко. Перед глазами потемнело, но на этот раз я удержалась за край стола.

— Ассер, меня держали под оранжереей, — выговорила я, глядя ему прямо в глаза. — Запах туберозы я помню отчетливо. Тайная комната была как-то связана с оранжереей...

Что-то дрогнуло в его лице.

Не вера. Пока ещё нет.

Пока что это была надежда.

Такая страшная и слабая, что он тут же попытался её уничтожить.

— Если под оранжереей ничего нет, — предупредил Ассер, медленно застёгивая расстёгнутый ворот мундира, — вы больше никогда не произнесёте при мне этого обвинения. Я сегодня достаточно выслушал клеветы про своего отца!

— Я точно не знаю, где вход и как он открывается, — прошептала я, хотя от этих слов внутри всё сжалось. — Но дай мне шанс доказать, что мои слова — правда!

Ассер смотрел на меня долго, почти мучительно. Потом резко дёрнул шнур звонка.

Дверь открылась так быстро, словно дворецкий всё это время стоял за ней и слушал наш разговор.

— Прикажите старшему садовнику немедленно явиться к старой оранжерее, — распорядился Ассер, не глядя на слугу. — Позовите двух каменщиков, возьмите лом, молоты, лопаты и фонари.

Дворецкий замешкался лишь на мгновение, но его взгляд всё-таки скользнул по моему разорванному платью и покрытым засохшей грязью туфлям.

— Всё будет исполнено, ваша светлость, — ответил он с поклоном, пряча любопытство за безупречно вежливым выражением лица.

С точно таким же выражением лица он произносил «ваша светлость» старому герцогу, который просил оставить нас наедине якобы для важного разговора. Неужели слуги ничего не слышали? Или не заподозрили?

Глава 9

— И принесите госпоже Вельтер плащ, — добавил Ассер после короткой паузы, заметив, как я обхватила себя руками. — Тёплый.

Дворецкий уже собирался выйти, когда муж остановил его:

— Не тот, с жёстким воротником. Она всё равно снимет его через десять минут.

Я замерла.

Одиннадцать месяцев войны, обвинение в измене, прошение о разводе — и Ассер всё ещё помнил, что я терпеть не могу, когда грубая шерсть касается шеи.

От неожиданной заботы стало больше, чем от очередной насмешки. Он не должен был заметить, что я мёрзну. Только что объявил меня лгуньей, почти бывшей женой, позором рода Вельтер — и всё-таки заметил.

Ассер всегда замечал обо мне то, чего не видели остальные.

Именно поэтому его неверие причиняло такую боль.

“Только бы я оказалась права!”, — мысленно взмолилась я, понимая, как страшно, когда тебе не верят.

Дворецкий вышел, а муж подошёл к окну. Чёрная ткань обтянула сильную спину. Несколько выбившихся из ленты прядей лежали на воротнике. Мне захотелось подойти, провести по ним пальцами, прижаться лбом между его лопаток и услышать привычное ворчание о том, что нападать на генерала со спины неприлично даже законной жене.

Но законной женой мне оставалось быть недолго.

— Ты мне поверил, — прошептала я, не сумев удержать эту надежду внутри.

Плечи Ассера напряглись.

— Я решил проверить вашу ложь, — отрезал он, продолжая смотреть в окно. — Это не одно и то же.

— Нет, — возразила я, наблюдая за его отражением в стекле. — Если бы ты считал это только ложью, то не приказал бы звать каменщиков.

Муж встретился со мной взглядом в отражении. На несколько мгновений его лицо стало почти прежним. Уставшим. Живым. Моим.

— Не заставляйте меня жалеть о том, что я вас выслушал, — произнёс Ассер тише и первым отвернулся.

Это холодное официальное “вы” ранило больше, чем все его слова. Это “вы” означало пропасть, которая разрасталась между нами.

До старой оранжереи оказалось дальше, чем я помнила.

Дорожка уходила за липовую аллею, огибала высохший фонтан и поднималась к западной стене поместья. Каждый шаг отдавался болью в ступнях. Выданный дворецким серый плащ путался в ногах и казался невыносимо тяжёлым, но я упрямо шла сама.

Ассер держался рядом.

Он не предлагал руку. Не спрашивал, нужна ли мне помощь. Только шагал чуть медленнее, чем привык, и всякий раз, когда я спотыкалась, его ладонь едва заметно приподнималась, готовая поймать.

Лучше бы он отвернулся.

Эта невольная забота заставляла меня снова надеяться на то, что между нами не всё закончилось. Что я смогу показать ему правду. И что огонёк любви, который едва теплится в нём, сможет разгореться в прежнее пламя.

Возле поворота колени всё-таки подломились. Я схватилась за каменную ограду, но пальцы соскользнули по нагретому солнцем камню.

Ассер поймал меня за талию и резко притянул к себе.

На мгновение я снова вдохнула знакомый запах дыма, кожи и холодного ветра. Под щекой билось его сердце. Слишком быстро для человека, который якобы ничего ко мне не чувствовал.

— Я могу идти, — прошептала я, не находя в себе сил отстраниться первой.

— В этом я уже имел несчастье убедиться, — сухо ответил Ассер, но его рука осталась на моей талии. — Вы прошли неизвестно сколько миль, едва не упали в холле, затем в кабинете, а теперь решили закончить начатое возле фонтана.

— Не беспокойся, я постараюсь умереть в менее заметном месте, — огрызнулась я, потому что от его близости становилось трудно дышать.

Пальцы мужа болезненно сжались на моей талии.

— Даже не думайте, — произнёс он так тихо, что эти слова прозвучали страшнее приказа.

Я подняла голову.

Ассер уже отпустил меня. Он подозвал шедшего позади лакея и велел:

— Принесите кресло!

Глава 10

Короткий взгляд на мои дрожащие ноги не оставил слуге возможности спорить.

— Мне не нужно кресло, — возмутилась я, чувствуя, как к щекам приливает жар.

— Мне не нужна ещё одна невероятная история о том, как моя жена исчезла по дороге к оранжерее, — отрезал Ассер и пошёл дальше, вынуждая меня либо подчиниться, либо остаться одной.

Я ненавидела его за эти слова.

И ещё сильнее ненавидела себя за то, что услышала в них страх.

Поэтому я взяла себя в руки и направилась дальше.

Оранжерея появилась за деревьями неожиданно. Потемневшие от времени стеклянные стены поблёскивали сквозь листву. По каменному основанию тянулся плющ, а высокая двустворчатая дверь была заперта на тяжёлый замок.

Старший садовник уже ждал возле входа. Рядом стояли двое рабочих с инструментами и молодой лакей с фонарями.

— Откройте оранжерею, — приказал Ассер, останавливаясь перед садовником.

Старик снял шляпу и растерянно прижал её к груди.

— Ключ всегда хранился у покойного герцога, ваша светлость, — признался садовник, стараясь не смотреть в мою сторону. — После его смерти связку передали дворецкому, но я не знаю, который из ключей подходит.

Ассер молча протянул руку.

Дворецкий поспешно вложил в его ладонь тяжёлую связку. Муж перебрал ключи, затем остановился и посмотрел на массивный замок.

— У нас нет времени выяснять, какой из них покойный отец считал достойным этой двери, — произнёс Ассер с холодным раздражением. — Сломайте замок.

Один из каменщиков шагнул вперёд и поднял молот, но генерал остановил его движением руки.

— Отойдите, — бросил Ассер, снимая чёрный форменный сюртук. — Сейчас вы разнесёте тут всё. Лучше я сам. Замок потом поставьте новый.

Он передал его дворецкому, расстёгнул манжеты и закатал рукава рубашки.

Я давно научилась определять настроение мужа по его мундиру. Все застёжки закрыты — генерал Вельтер управляет миром. Верхняя расстёгнута — мир начинает сопротивляться. Две — кто-то скоро пожалеет о сказанном. А если Ассер снимал сюртук и закатывал рукава, спорить уже было бесполезно. Он собирался что-нибудь делать собственными руками. Чёрная ткань обтянула грудь и плечи, на сильных предплечьях выступили тёмные вены. Я слишком хорошо помнила эти руки. Помнила их на своей талии, в своих волосах, на смятой простыне в последнюю ночь перед его отъездом.

Ассер взял замок одной рукой.

Кожа на его пальцах потемнела. По кисти пробежала чёрная чешуя с золотистым отливом. Металл жалобно скрипнул и лопнул, словно оказался сделан из тонкого льда.

Муж отбросил обломки в траву и толкнул дверь.

Навстречу нам хлынул тёплый влажный воздух. Пахло землёй, прелыми листьями и сладкими цветами.

Я замерла на пороге.

— Это здесь, — прошептала я, вцепившись пальцами в края плаща. — Ассер, это тот запах.

Муж резко посмотрел на меня. В его золотистых глазах вспыхнуло что-то похожее на испуг.

— Покажите, откуда он доносился сильнее, — потребовал генерал, пропуская меня вперёд.

Внутри сохранилось удушливое лето. Под стеклянной крышей висели капли воды. Огромные листья касались плеч, цеплялись за плащ, словно пытались удержать. Между кадрами тянулись узкие дорожки, выложенные светлым камнем.

Туберозы росли у дальней стены.

Высокие белые соцветия казались почти бесцветными в зелёном полумраке. Днём они пахли едва заметно, но я узнала эту сладость. Именно она проникала в камеру, смешивалась с сыростью и доводила меня до тошноты.

Я подошла ближе. Ноги дрожали.

Глава 11

— Запах был очень сильным, — объяснила я, проводя ладонью над цветами. — Он даже появлялся в камере. Но не сразу. Сначала я чувствовала сырость, потом туберозу. Значит, где-то есть отверстие. Решётка. Канал, по которому проходит воздух.

Ассер повернулся к старшему садовнику.

— Под оранжереей есть помещение? — спросил генерал, и его голос прозвучал резко, как на военном допросе.

Садовник помял в руках старую шляпу и покосился на каменный пол.

— Только каналы отопления, ваша светлость, — ответил он с растущей тревогой. — Но они слишком узкие. Даже ребёнок туда не пролезет.

— А подвал? — Ассер указал носком сапога на плиты возле клумбы.

— Подвала на плане нет, — уверенно произнёс садовник, хотя его пальцы сильнее смяли поля шляпы.

— Старый колодец, склад, корневая яма? — перечислил Ассер, медленно оглядывая стены. — Любое помещение, которое могли заложить камнем или скрыть во время перестройки?

— Ничего подобного, ваша светлость, — ответил старик уже твёрже. — Я работаю здесь тридцать семь лет и знаю каждый водосток.

Ассер перевёл на него тяжёлый золотистый взгляд.

— Значит, сегодня вы узнаете, насколько хорошо знаете оранжерею, — произнёс генерал пугающе спокойно.

Садовник побледнел и прижал шляпу к груди.

— С чего прикажете начать поиски? — спросил он, торопливо отступая к рабочим.

Ассер посмотрел на меня.

— Где запах был сильнее всего? — спросил муж, и в его голосе снова появилось то едва уловимое напряжение, которое я уже приняла за надежду.

Я закрыла глаза.

В темнице не было ничего, за что могла бы уцепиться память. Только камень под пальцами. Сырость. Голод. Капли, которые я слизывала со стены. И запах, едва уловимый, почти не ощутимый. Но когда зрение стало вдруг ненужным, обоняние стало сильнее.

Я медленно пошла вдоль клумбы. Меня затошнило от запаха цветов. Перед глазами вспыхнула темнота: моя рука на мокрой стене, мой задыхающийся крик: «Помогите! Кто-нибудь! Прошу вас!» И тишина вместо ответа. Просто тишина.

Возле третьей колонны сладость показалась сильнее.

Или я просто слишком хотела, чтобы она стала сильнее.

— Здесь, — сказала я, опускаясь на колени возле стены. — Кажется, здесь.

Ассер оказался рядом. Он присел, провёл ладонью по каменным плитам и замер.

Чёрная чешуя покрыла его пальцы, поднялась выше запястья. Золотистое пламя на мгновение пробежало между пластинами, а затем ушло в камень.

Я почувствовала слабую дрожь в коленях.

Пыль посыпалась из щелей. Где-то глубоко под землёй глухо загудело, словно поместье просыпалось от долгого сна.

Ассер закрыл глаза, прислушиваясь не ушами, а всем телом.

— Есть пустота? — спросила я, боясь вдохнуть.

— Не мешайте, — оборвал муж, и резкость его голоса выдала волнение сильнее любого признания.

Он переместил ладонь на следующую плиту. Потом ещё на одну.

Тишина растягивалась. Слуги не двигались. Даже садовник перестал мять шляпу. Наконец Ассер поднялся.

— Снимите плиты возле стены, — приказал он каменщикам, вытирая ладонь о чёрные брюки. — Осторожно. Не повредите опоры.

— Но корни тубероз, ваша светлость... — начал садовник и тут же осёкся под взглядом генерала.

— Я велел снять плиты, а не обсуждать со мной предпочтения растений, — напомнил Ассер, и старик поспешно кивнул рабочим.

Первый удар молота отдался у меня в висках.

Глава 12

Каменщики поддели светлую плиту ломом. Камень поднялся, обнажая влажную чёрную землю и узкий кирпичный канал.

Я бросилась к нему.

— Вот! — закричала я, указывая на тёмное отверстие. — Я говорила! Здесь есть проход! Садовник тяжело опустился рядом и просунул в канал длинную рукоять лопаты.

— Это отопительный ход, госпожа, — объяснил он, виновато глядя на меня. — Он тянется вдоль всей стены, но высотой не больше двух ладоней.

— Значит, камера ниже, — возразила я, цепляясь за край снятой плиты. — Или за этой стеной. Продолжайте искать.

Ассер смотрел на меня несколько мучительных мгновений, а потом повернулся к рабочим.

— Продолжайте, — приказал он, снимая с ближайшей кадки тяжёлый медный поддон. — Поднимите весь ряд.

И они продолжили.

Плита за плитой.

Каменщики вскрыли дорожку вдоль стены. Рабочие вынесли кадки, отодвинули мраморную скамью и разобрали старый очаг, от которого расходились отопительные каналы.

Ассер работал вместе с ними.

Он окончательно снял перчатки, сам поднимал тяжёлые плиты и отбрасывал их в сторону. Чёрная рубашка прилипла к спине. На виске блестела капля пота. Иногда по его пальцам пробегала чешуя, и тогда камень трескался под ладонями.

Он хотел найти мою камеру.

Я видела это по тому, как он проверял каждую щель. По тому, как заставил рабочих простучать стены. По тому, как опускался на колено возле каждого отверстия и прислушивался к земле.

Он хотел, чтобы я оказалась права.

И от этого хотелось плакать.

Солнце медленно уходило за деревья. Стеклянная крыша сначала стала золотой, потом серой. Лакеи зажгли фонари. Белые туберозы раскрылись сильнее, наполняя оранжерею знакомым удушливым ароматом.

Я ходила от стены к стене, касалась колонн, прижимала ладони к камню, пыталась вспомнить хоть что-нибудь ещё.

Скрежет. Пыль. Старческий голос за исчезающей дверью.

«Когда мой сын вернётся, ты уже никому не сможешь рассказать, какая ты неблагодарная».

Меня затошнило. Я прислонилась лбом к холодному стеклу и заставила себя дышать.

За спиной смолкли удары.

Я обернулась.

Оранжерея была разгромлена. Вдоль дальней стены зияла полоса вскрытой земли. Разобранный очаг лежал грудой кирпича. Каменные плиты громоздились возле двери.

Входа не было.

Ни лестницы. Ни замурованного проёма. Ни единого пространства, где мог бы поместиться человек.

Удары молотов прекратились, но продолжали грохотать у меня в голове. Оранжерея медленно накренилась. Я схватилась за ближайшую колонну, однако ладонь скользнула по влажному камню.

Перед глазами поплыли белые цветы, чёрная земля и золотые огни фонарей. На несколько страшных мгновений свет исчез. Мне снова показалось, что вокруг нет ничего, кроме сырой стены и темноты.

Желудок дёрнулся. Во рту появился кислый привкус.

Нет. Этого не могло быть. Я не могла ошибиться.

Глава 13

Ассер стоял посреди разрушенной дорожки. Рукава чёрной рубашки были закатаны до локтей, на пальцах осталась земля. Он смотрел на последний вскрытый канал так, словно тот нанёс ему личное оскорбление.

Потом медленно поднял голову.

Надежды в его глазах больше не было.

— Может быть, вход скрыт магией, — торопливо произнесла я, чувствуя, как поднимается паника. — Твой отец был драконом. Он мог поставить защиту. Мог изменить стену, спрятать дверь, заставить нас её не видеть.

Ассер устало провёл грязной рукой по лицу.

— Я тоже дракон, Эльсвита, — напомнил он глухим голосом. — И всю жизнь прожил в этом доме. Если бы здесь находилась защищённая полость, я бы знал о ней. Мы бы её нашли.

Пальцы разжались. Я едва успела прижаться спиной к колонне, чтобы не сползти на пол.

Тёплый воздух оранжереи вдруг стал ледяным. Сладкий запах клубники забился в горло, и меня снова затошнило.

Ассер не просто не нашёл камеру. Он был уверен, что её никогда не существовало.

— Но ты сам слышал про запах, — настаивала я, подходя к нему. — Я не могла придумать клубнику. Я не знала, что она цветёт по ночам!

— О клубниках вам рассказал отец, когда привёл сюда, — возразил Ассер и посмотрел на разрушенную клумбу.

Его слова ударили сильнее, чем я ожидала.

Ещё утром он обвинял меня, не желая проверить ни единого слова. Теперь он проверил. И ничего не нашёл.

— Здесь была камера, — прошептала я, чувствуя, как немеют губы. — Я помню запах. Помню сырость. Помню, как царапала стену, пока не сломала ногти. Я не сошла с ума.

Ассер перевёл взгляд на мои руки. На мгновение в его лице снова появилась боль. Настоящая. Почти невыносимая. Но он быстро спрятал её.

— Все свободны, — приказал генерал, обращаясь к слугам. — Оранжерею запереть. Утром вернуть плиты на место. Навести порядок.

Старший садовник осторожно поклонился.

— А цветы, ваша светлость? — спросил он, с тревогой поглядывая на вытащенные из земли растения.

— Спасите всё, что сможете, — распорядился Ассер, забирая у дворецкого сюртук. — Остальное замените.

— Этот сорт нельзя заменить, — напомнил садовник едва слышно. — Покойная герцогиня...

Руки Ассера замерли на чёрном сюртуке. Я поняла, чего ему стоил этот поиск.

Он позволил разрушить последнее место, которое любила его мать. Своими руками вырвал плиты возле её цветов. Рисковал погубить то, что отец хранил после её смерти.

Ради одного шанса доказать, что его жена не лжёт.

— Делайте, что можете, — произнёс Ассер после тяжёлой паузы. — Мать не простила бы мне только одного: если бы я пожалел цветы больше, чем человека.

Садовник опустил голову и поспешил прочь, увлекая за собой рабочих.

Дворецкий задержался у двери, глядя на перевернутую оранжерею. Вздох неодобрения вырвался из его груди, но был надёжно спрятан за чопорностью.

— Доктор всё ещё ждёт? — спросил Ассер, не глядя в мою сторону.

Глава 14

Дворецкий почтительно склонил голову.

— Да, ваша светлость. Я распорядился, чтобы он оставался в доме.

— Пусть немедленно осмотрит госпожу Вельтер, — приказал генерал. — И если она снова попытается отказаться, напомните, что сегодня я уже исполнил одну её просьбу. Вторую исполнять не намерен.

Слова прозвучали заботливо.

Только интонация была той, которой генерал отправлял раненого солдата в лазарет, прежде чем вычеркнуть его имя из списка живых.

Дворецкий поклонился и оставил нас одних.

Снаружи сгущались сумерки. В стеклянных стенах отражались фонари, белые цветы и две тёмные фигуры, стоявшие друг напротив друга.

— Что теперь? — спросила я, хотя уже знала ответ.

Ассер застегнул последнюю серебряную застёжку. Чёрный мундир снова превратился в броню, под которой не осталось ни боли, ни сомнений.

— Теперь вы вернётесь в дом, примете ванну, поедите и позвольте лекарю осмотреть вас, — перечислил муж ровным голосом. — Завтра поверенный объяснит вам условия развода.

У меня перехватило дыхание.

— Значит, всё это ничего не изменило? — спросила я, обводя рукой разрушенную оранжерею. — Ты сам искал. Ты видел, что я узнала место.

— Я видел, как вы привели меня в оранжерею, о которой вам рассказал отец, — ответил Ассер, и каждое слово давалось ему с трудом. — А затем предложили разрушить её в поисках помещения, которого здесь нет.

— Ты почти поверил мне, — прошептала я, потому что хотела хотя бы заставить его признать это.

Муж резко посмотрел на меня.

— Да, — признался Ассер после мучительной паузы. — На один час я почти поверил вам. Его признание вошло под рёбра тонкой иглой.

Значит, я не ошиблась. Надежда действительно была. Целый час Ассер смотрел на меня и допускал, что я могла говорить правду.

А потом снова выбрал отца.

Грудь попыталась втянуть воздух, но сладкая духота оранжереи не прошла дальше горла. Кончики пальцев закололо, перед глазами задрожали огни фонарей.

— Тогда поверь ещё немного, — попросила я, делая шаг к нему. — Не ради меня. Ради той женщины, которой ты писал, что веришь больше, чем себе. Дай мне время найти другое доказательство.

На скулах Ассера заходили желваки.

— Той женщине я верил, — произнёс он глухо. — Я носил её письмо у сердца одиннадцать месяцев. А женщина, которая вернулась, обвиняет моего мёртвого отца, рассказывает о комнате без двери и требует, чтобы я продолжал верить, даже когда камень под нашими ногами доказывает обратное. Я убил цветы своей матери, чтобы найти доказательства вашей версии. Но так ничего и не нашел. Как вы думаете, чего мне это стоило? Сорвать каменные плиты, по которым я бегал, когда был ещё мальчишкой... И всё ради вас...

— Я прошу еще шанс, — возразила я, чувствуя, как по щекам текут горячие слёзы. — Может, мы просто не углублялись? Может, где-то сохранились какие-то карты, чертежи. Это поместье очень старое... Может, мы просто не все видели?

— Боюсь, что я сегодня не в силах участвовать в вашем представлении, — усмехнулся Ассер, но в этой усмешке не было ни капли веселья. — Я бы хотел отдохнуть. И вам советую. Я вздрогнула, словно он ударил меня.

Глава 15

Ассер это увидел. Его рука дёрнулась ко мне, но он заставил себя остановиться.

— Прощение о разводе остаётся в силе, — объявил муж, медленно опуская руку. — До решения суда вы можете жить в восточном крыле. Я не выставлю вас на улицу в таком состоянии. В память о том, что нас связывало.

— Благодарю за милосердие, ваша светлость, — произнесла я с горечью, вытирая слёзы ладонью. — Надеюсь, эта щедрость не повредит честному имени рода Вельтер.

В золотистых глазах Ассера вспыхнул огонь.

— Но если вы ещё раз обвините моего отца перед слугами или посторонними, — продолжил он пугающе тихо, — то покинете поместье в тот же день. Больны вы или нет.

— А если я найду доказательство? — спросила я, заставляя себя выдержать его взгляд.

Ассер взял меня за подбородок.

Его пальцы были горячими и пахли землёй. Прикосновение оказалось осторожным, почти нежным, но в глазах мужа стоял такой холод, что я перестала чувствовать собственное лицо.

— Тогда я встану перед вами на колени, Эльсвита, — пообещал он, отчётливо произнося каждое слово. — Но до этого дня не требуйте от меня предать память человека, который вырастил меня. Который после смерти мамы стал для меня всем.

Слово «колени» застряло где-то под сердцем.

Его большой палец всё ещё касался моего подбородка. Кожа под ним горела, и от этого осторожного прикосновения дрожь медленно спустилась по шее, прошла между лопаток.

Какая-то жалкая часть меня уже представляла Ассера на коленях. Представляла, как он узнаёт правду и снова называет меня своей женой.

Я ненавидела себя за эту надежду.

Ассер резко отпустил меня и направился к выходу. Возле двери он остановился и посмотрел на дворецкого, который всё ещё ждал снаружи.

— Проводите госпожу Вельтер в восточное крыло, — приказал муж сухим, официальным голосом. — И не оставляйте её одну, пока врач не закончит осмотр.

От этой запоздалой заботы стало ещё больнее. Ассер не верил ни единому моему слову, готовился развестись со мной, но всё равно не мог позволить, чтобы я снова упала.

Наверное, привычка заботиться обо мне умирала медленнее любви.

Муж больше не посмотрел в мою сторону. Чёрная фигура скрылась в вечерних сумерках, а его шаги быстро зазвучали по каменной дорожке.

Я отвернулась, не желая провожать его взглядом.

— Дайте мне одну минуту, — попросила я дворецкого, поспешно вытирая ладонью мокрые щёки. — Я не хочу, чтобы весь дом видел меня такой.

Дворецкий посмотрел на моё лицо, на дрожащие руки и деликатно отвёл взгляд.

— Разумеется, госпожа, — ответил он с почтительным поклоном. — Я буду ждать за дверью. Позовите меня, когда будете готовы.

Он вышел, но дверь предусмотрительно оставил открытой.

Я осталась среди разбитых плит и вырванных цветов. Несколько мгновений смотрела вслед Ассеру, всё ещё надеясь, что он вернётся. Что остановится на дорожке, выругается, снова позовёт каменщиков и прикажет разобрать оранжерею до основания.

Но его шаги стихли.

Глава 16

Вместе с ними умерла последняя надежда вернуть того Ассера, которого я ждала в темноте.

И странно — меня перестало трясти.

Пальцы медленно разжались. Я выпрямила спину, хотя от этого движения перед глазами потемнело. Вместе с надеждой исчезла слабость, которая всё это время заставляла меня цепляться за каждое его слово.

Больше я не стану просить его поверить мне. Не стану цепляться за его руки и напоминать, как сильно мы любили друг друга.

Я найду доказательство. Не ради нашего брака. Не ради человека, который уже подал прошение о разводе. Ради собственного имени. Ради женщины, чьё лицо вымарали со всех портретов этого дома.

За открытой дверью слышался спокойный голос дворецкого. Он велел одному лакею поторопить лекаря, другому — приготовить в восточном крыле горячую ванну и ужин. Рабочие переговаривались, складывая инструменты. Где-то по камню с тяжёлым стуком прокатился забытый молот.

Туберозы пахли всё сильнее.

Сладкий аромат наполнял лёгкие, лип к языку, смешивался с сыростью и возвращал меня в каменный мешок.

Я закрыла глаза. Где-то рядом капнула вода.

Один раз. Второй. Третий.

И вдруг звуки за дверью исчезли.

Не стихли постепенно. Не отдалились вместе с уходящими слугами. Просто оборвались.

В оранжерее воцарилась такая тишина, словно за стеклянными стенами больше не существовало ни поместья, ни людей, ни всего остального мира.

Я распахнула глаза.

Оставленная открытой дверь медленно двинулась с места.

— Подождите! — закричала я, бросаясь к выходу. — Я уже иду!

Дворецкий не ответил.

Дверь продолжала закрываться. Без скрипа, без порыва ветра, словно её тянула невидимая рука.

— Вы меня слышите? — позвала я, чувствуя, как холод поднимается от живота к груди. — Не закрывайте дверь!

Створка захлопнулась прямо передо мной.

Замок щёлкнул сам.

Я схватилась за ручку, но металл оказался таким холодным, что пальцы свело от боли. Дверь не поддавалась.

За ней по-прежнему не было слышно ни единого звука.

А потом под снятыми плитами что-то тихо заскрежетало.

Я резко обернулась. Чёрная земля возле стены осталась неподвижной. В узком отопительном канале дрожал свет забытого фонаря.

Рядом с туберозами стоял призрак.

Старый герцог был там, где секунду назад никого не было. Мертвенно-бледный, полупрозрачный в том самом домашнем сюртуке, в котором однажды привёл меня к туберозам. На его губах появилась знакомая ласковая улыбка.

— Он почти поверил тебе, — произнёс покойник с тихим сожалением, и от его голоса цветы вокруг меня склонили белые головки.

Я не смогла ни закричать, ни пошевелиться.

Призрак подошёл ближе. Ледяные пальцы сомкнулись на моём плече.

Холод мгновенно прошил платье, кожу и мышцы, будто прикосновение мертвеца добралось до самой кости. Плечо свело судорогой. Ноги подломились, и я тяжело опустилась коленями в развороченную землю.

Я попыталась закричать, но из груди вырвался только короткий болезненный хрип.

— Не бойся. Скоро мы будем вместе, — прошептал мертвец мне на ухо.

Его губы коснулись моих волос, а знакомый голос стал почти ласковым.

— А мой сын будет верить мне даже тогда, когда ты умрёшь у него на руках.

И призрак исчез.

Глава 17

Просто исчез.

Ещё мгновение назад его ледяные пальцы сжимали моё плечо, мёртвое дыхание шевелило волосы возле виска, а потом передо мной остались только белые туберозы. Они медленно покачивались, словно кто-то невидимый только что прошёл между клумбами.

Я стояла на коленях в развороченной земле и не могла вдохнуть.

Тишина лопнула внезапно.

За стеклянными стенами снова загрохотали инструменты. Кто-то из рабочих выругался, садовник принялся громко распоряжаться, а возле двери дворецкий невозмутимо объяснял лакею, куда отнести оставшиеся фонари.

Мир словно ожил. Даже дверь оранжереи была открыта настежь.

Я смотрела на неё, не веря собственным глазам. Только что створка захлопнулась перед моим лицом. Я слышала щелчок замка, звала на помощь.

А теперь за порогом стоял дворецкий, и по его спокойному лицу было ясно: ничего необычного не произошло.

Я поднялась так резко, что перед глазами потемнело. Ноги вдруг стали непослушными, ватными, но страх оказался сильнее слабости. Я рванула к выходу, едва не спотыкаясь о вывернутые каменные плиты.

Дворецкий обернулся на шум. Его брови едва заметно приподнялись, когда я почти налетела на него, но голос остался безупречно спокойным:

— Осторожнее, госпожа. Здесь всё ещё лежат инструменты. Не споткнитесь.

Я схватилась за дверной косяк и оглянулась.

Между туберозами никого не было. Только на влажной земле виднелись две глубокие вмятины, оставшиеся от моих коленей.

— Вы закрывали дверь? — спросила я, с трудом выталкивая слова из пересохшего горла.

Дворецкий проследил за моим взглядом и посмотрел на распахнутую створку.

— Нет, госпожа, — ответил он после короткой паузы. — Вы просили дать вам минуту, и я оставил дверь открытой.

Холод, оставленный пальцами призрака, медленно расползлся по плечу.

— Она закрывалась, — прошептала я, уже не понимая, убеждаю дворецкого или саму себя. — Я звала вас. Кричала.

Впервые на выдержанном лице слуги появилось беспокойство.

— Я всё это время находился возле входа, — произнёс он осторожно. — Вы не кричали, госпожа. Поверьте, госпожа, я бы услышал

Значит, мне показалось.

Я слишком долго провела в темноте. Слишком мало ела. Слишком много пережила за сегодняшний день. Муж назвал меня лгуньей, слуги разрушили оранжерею, а я стояла посреди всего этого и ждала, что из-под земли появится моя темница.

Разум просто не выдержал.

Я прижала ладонь к плечу и тут же задохнулась от боли. Сквозь тонкую, почти прозрачную ткань платья проступали пять тёмных пятен. Следы пальцев располагались там, где меня держал покойник.

Дворецкий заметил их. Его взгляд задержался на моём плече, но ни один мускул на лице не дрогнул.

— Лекарь уже ждёт в доме, — напомнил он, предлагая мне руку. — Позвольте проводить вас, госпожа. Осторожней, смотрите под ноги... Мы еще не все убрали.

Я хотела отказаться. Сказать, что дойду сама. Что мне не нужна помощь в доме, который ещё недавно был моим.

Но ноги дрожали так сильно, что я вцепилась в его локоть.

Обратно мы шли медленно. Дворецкий подстраивался под каждый мой шаг, не торопил и не задавал вопросов. Только возле самой террасы он посмотрел на моё побелевшее лицо и негромко поинтересовался:

— В оранжерее произошло что-то, о чём следует знать его светлости?

Глава 18

Я обернулась.

В стеклянных стенах отражался закат. Рабочие уносили инструменты, садовник склонился над сломанными цветами, а возле дальней клумбы стояла неподвижная тёмная фигура.

Сердце болезненно ударилось о рёбра.

Я моргнула.

Между туберозами никого не было.

— Нет, — солгала я, отворачиваясь от оранжереи. — Мне просто стало дурно.

Наверное, призрак этого и добивался.

Если я расскажу Ассеру, что видела его мёртвого отца, муж окончательно решит, что я сошла с ума. Комната без двери, чудесное пробуждение в лесу, а теперь ещё и покойник, разгуливающий среди любимых цветов своей жены.

Даже я бы себе не поверила.

В восточном крыле меня ждала незнакомая спальня.

Здесь всё было красивым, дорогим и совершенно чужим. Бледно-голубые стены, серебристые шторы, светлая мебель, камин из белого мрамора. Возле широкой кровати уже поставили складную ширму, на столике разложили лекарства и бинты, а две горничные готовили ванну в соседней комнате.

Когда-то мы с Ассером выбирали обои для нашей общей спальни. Я хотела голубые. Он заявил, что голубой цвет напоминает ему полковой лазарет, и предложил красные, чтобы уж наверняка думать о поле боя.

В конце концов мы выбрали тёплые золотистые стены.

Теперь мне достался голубой лазарет.

Ассер стоял возле окна.

Он успел вымыть руки и привести себя в порядок, но на манжете чёрной рубашки осталось пятно грязи. Сюртук муж снял и небрежно бросил на спинку кресла. Расстёгнутый ворот открывал сильную загорелую шею, влажные после умывания волосы были зачёсаны назад, а рукава снова оказались закатаны до локтей.

Чёрное непозволительно шло ему

Делало шире плечи, подчёркивало узкие бёдра и ту спокойную, опасную силу, которую Ассер никогда не выставлял напоказ. Ему не требовались ни оружие, ни мундир, ни золотые генеральские знаки, чтобы все в комнате помнили: перед ними дракон.

Я ненавидела себя за то, что после обвинений, требования развода и холодных слов всё ещё замечала, как выглядит мой муж.

Ассер перевёл на меня взгляд.

Сначала посмотрел в лицо. Потом его глаза опустились к моей руке, прижатой к плечу. В золотистых зрачках на мгновение вспыхнуло беспокойство, которое он тут же спрятал за привычной холодностью.

— Что произошло? — спросил муж, отталкиваясь от подоконника.

Я увидела, как его взгляд снова остановился на тёмных пятнах, проступивших сквозь платье.

— Ничего, — ответила я слишком поспешно. — Мне стало дурно, и я... за что-то ухватилась.

Ассер медленно посмотрел на дворецкого.

— Госпожа почувствовала себя плохо в оранжерее, ваша светлость, — доложил тот с почтительным поклоном. — Я не видел, как она получила эту травму.

Муж снова повернулся ко мне. По его лицу было ясно: ответ его не удовлетворил.

— Удивительное место, эта оранжерея, — произнёс Ассер с мрачной насмешкой. — Помещения исчезают, а теперь ещё и растения хватают посетителей за плечи.

— Если решишь разрушить её окончательно, предупреди садовника заранее, чтобы он успел смириться с этой мыслью, — устало попросила я. — Боюсь, второго потрясения он не переживёт.

Уголок губ Ассера дрогнул.

Глава 19

Всего на мгновение. Настолько быстро, что я могла ошибиться.

Но я слишком хорошо знала это лицо. Когда-то мне удавалось рассмешить его даже после самых тяжёлых военных советов. Ассер возвращался злой, бросал перчатки на стол и заявлял, что люди — единственный вид существ, который способен три часа обсуждать карту, не взглянув на неё ни разу.

Я отвечала, что драконы за то же время успевают сжечь карту, стол и двух особенно несговорчивых советников.

И тогда он смеялся.

Ещё Ассер совершенно бессовестно крал у меня засахаренные абрикосы. Сам никогда не заказывал сладкого и смотрел на десерт так, словно настоящий генерал питается исключительно порохом и военными донесениями. А потом моя вазочка каким-то образом оказывалась пустой.

— Ты опять съел мои абрикосы.

— Не могу подтвердить эту клевету.

— У тебя сахар на мундире.

— Доказательства косвенные.

Теперь короткая тень прежней улыбки исчезла, будто её никогда не было.

— Садитесь, госпожа Вельтер, — вмешался лекарь, пододвигая кресло. — Желательно прежде, чем вы упадёте и добавите мне работы.

— Я прекрасно стою, — возразила я из одной лишь гордости.

Пол тут же качнулся под ногами.

Ассер оказался рядом раньше, чем я успела схватиться за ширму. Одна его рука обхватила меня за талию, вторая легла под локоть.

Я прижалась спиной к его груди.

Жар мужского тела мгновенно прошёл сквозь платье. От Ассера пахло холодным воздухом, влажными волосами и слабой горечью дыма. Его пальцы сжались на моей талии — осторожно, но уверенно, словно тело до сих пор помнило, как именно нужно меня держать.

На одно предательское мгновение мне захотелось перестать сопротивляться.

Откинуться назад. Закрыть глаза. Позволить ему решить всё, как он решал раньше.

Но прежнего Ассера больше не существовало.

Я заставила себя выпрямиться и негромко произнесла:

— Отпусти. Я сама.

Его дыхание коснулось моего виска. Пальцы на талии задержались чуть дольше, чем требовалось, но затем муж разжал руку и помог мне опуститься в кресло.

— Как скажешь, — ответил Ассер так же тихо.

От этой покорности стало больше, чем от его насмешек.

Лекарь сделал вид, что ничего не заметил. Он поставил рядом со мной табурет, взял за запястье и начал считать пульс.

— Когда вы в последний раз нормально ели? — спросил он, нахмурившись.

— Сегодня утром мне дали хлеб и молоко крестьяне, — ответила я, вспоминая, как с трудом проглотила несколько размокших в молоке кусочков черного хлеба.

Лекарь недовольно покачал головой.

— Я спрашиваю о нормальной еде, а не о том, что вам удалось уговорить остаться в желудке, — пояснил он, продолжая держать пальцы на моём пульсе.

Я задумалась.

В камере время перестало существовать. Сначала я считала дни по запаху туберозы, усиливавшемуся каждую ночь. Потом сбилась. Голод превратился в постоянную боль, а затем исчез, оставив слабость и тошноту.

— Не знаю, — призналась я, глядя на свои исцарапанные руки. — Наверное, дней десять назад. Может быть, двенадцать. Я... я просто в какой-то момент потеряла счет времени...

Возле окна стало очень тихо.

Лекарь поднял на меня внимательный взгляд.

— Да у вас обезвоживание, — проворчал он уже без прежнего раздражения.

Воспоминание о мокрой стене вызвало спазм в горле.

— Иногда на камнях выступала влага, — ответила я, чувствуя, как к лицу приливает жар. — Я слизывала её.

Ассер не пошевелился.

Глава 20

Только край деревянного подоконника хрустнул под его пальцами.

Лекарь перевёл взгляд на генерала, затем снова посмотрел на меня и осторожно развернул мою ладонь.

— Эти раны... Вы ничего не хотите сказать? Что вы так усердно царапали? — спросил он, осматривая сломанные ногти.

— Я пыталась выцарапать надпись на стене, — объяснила я, сжимая пальцы. — Хотела, чтобы когда-нибудь меня нашли. Чтобы хотя бы узнали, что я там была.

Лекарь осторожно провёл металлической лопаточкой под ногтем. На белую салфетку посыпалась серая крошка.

— Известь и каменная пыль, — констатировал он, растирая крупинки. — Они забились довольно глубоко. Раны воспалены. Получены не сегодня и не вчера.

Ассер медленно разжал руку.

На смятом дереве под его ладонью остались пять глубоких следов.

— Сколько времени человек может прожить в таком состоянии? — спросил муж. Его голос звучал спокойно, но я слишком хорошо знала, чего ему стоило это спокойствие.

Лекарь пожал плечами.

— Зависит от человека, температуры, наличия воды и желания жить, — ответил он, обрабатывая мои пальцы. — Ваша жена сильно истощена и обезвожена. Ей необходимы покой, тепло, вода и еда маленькими порциями. Никаких допросов, потрясений и прогулок по поместью в ближайшие дни.

— Она могла пройти пешком от северной дороги? — уточнил Ассер, переводя взгляд на подол моего грязного платья.

— Сейчас узнаем, — невозмутимо заметил лекарь и жестом позвал горничную. — Помогите госпоже снять обувь.

От одного прикосновения к разбитым ступням меня прошило болью. Я судорожно вцепилась в подлокотники, пока девушка расшнуровывала грязные туфли.

Когда она сняла первую, лекарь тихо выругался.

Кожа на пятках и пальцах была стёрта до крови. К некоторым ранам присохли обрывки чулок. Щиколотки распухли, а каждый палец отзывался тупой пульсацией.

Ассер смотрел на мои ноги.

Его лицо оставалось неподвижным. Только глаза стали ярче. В глубине золотистых зрачков медленно поднималось пламя.

— С такими ранами она действительно шла, — произнёс лекарь, осторожно касаясь края глубокой ссадины. — Долго. И продолжала идти после того, как должна была остановиться.

Ассер поднял взгляд на меня.

— Зачем? — спросил он глухо.

Этот вопрос причинил почти физическую боль.

— Ты возвращался, — напомнила я, чувствуя, как слабеет голос. — Я знала, что ты будешь здесь. Я слышала разговор. Твой отец сказал, что ты возвращаешься, поэтому решил...

— Хватит! Прекрати! — одернул меня Ассер, глядя на доктора.

Между нами повисла тишина.

Глупая, жалкая женщина, которой я была ещё утром, продала бриллианты с платья, шла по пыльной дороге на окровавленных ногах и боялась опоздать к возвращению мужа.

Она верила, что стоит добраться домой — и всё закончится. Но все только началось.

Ассер первым отвёл взгляд.

Глава 21

— Обработайте раны, — приказал он лекарю. — Сделайте всё необходимое.

— Для начала мне понадобится, чтобы вы перестали командовать человеком, который и без вас знает свою работу, — сухо ответил лекарь. — А госпоже Вельтер потребуется ванна. После неё я осмотрю остальные повреждения.

Генерал медленно посмотрел на него.

Любой другой человек под этим взглядом уже начал бы прощаться с родственниками. Лекарь лишь невозмутимо убрал инструменты в саквояж.

— Вы ведь вызвали меня ради честного заключения, ваша светлость? — поинтересовался он, приподняв седую бровь.

Ассер помолчал, а затем отступил от окна.

— Именно поэтому вы до сих пор лечите мою семью, — произнёс он с сухой угрозой. — Хотя иногда я об этом жалею.

Лекарь хмыкнул и повернулся ко мне.

— А теперь плечо, госпожа. Где вы успели получить эти следы?

Желудок сжался.

Я медленно убрала руку.

Горничная расстегнула верхние пуговицы платья и осторожно оттянула ткань. На коже темнели пять длинных пятен. Они не походили на обычные синяки. Края уже стали синевато-чёрными, а середина оставалась пугающе белой.

Лекарь прикоснулся к одному пятну и тут же нахмурился.

— Тут явно следы мужской руки. Довольно крупной, — заметил он, растирая пальцы. — Кто вас держал?

Перед глазами возникло мёртвое лицо старого герцога.

«Скоро мы будем вместе». Я посмотрела на Ассера. На его руке тускло блеснул перстень отца.

Рассказать правду? Добавить призрака к комнате без двери и побегу через запертую стену? Муж и без того едва сдерживался, чтобы не выставить меня из дома.

— Я не помню, — солгала я, отводя взгляд. — Наверное, ударилась в оранжерее.

— Удары редко оставляют следы пяти пальцев, — заметил лекарь, внимательно наблюдая за моим лицом.

Ассер подошёл ближе. Его взгляд скользнул по отметинам, и в комнате словно стало теснее.

— Кто к вам прикасался после того, как я ушёл? — спросил муж настолько тихо, что от этой тишины по коже пробежал холод.

— Назовите имя, Эльсвита.

Я промолчала.

— Только имя, — повторил Ассер ещё тише. — Остальное оставьте мне.

В его голосе не было заботы.

Только опасное, почти звериное обещание найти того, кто оставил следы.

Несмотря на всё, сердце болезненно сжалось.

— Никто, — ответила я, поспешно запахивая платье. — Я же сказала, что не помню.

Ассер смотрел ещё несколько секунд. Потом отступил, но пальцы его правой руки медленно сжались в кулак.

— Хорошо, — произнёс он без всякого согласия в голосе. — Мы вернёмся к этому разговору, когда вы перестанете считать меня слепым.

— Боюсь, на это может потребоваться слишком много времени, — не удержалась я.

Золотистые глаза опасно сузились.

— Вижу, силы к вам возвращаются, — заметил муж с холодной усмешкой. — Лекарь творит чудеса.

— Тогда выставьте счёт ему, — попросила я. — Мне вы уже выставили.

Ассер застыл.

Попала.

Я увидела это по тому, как напряглись его скулы. По короткому вдоху. По взгляду, на мгновение опустившемуся к моим губам.

Но муж ничего не ответил.

Он развернулся и направился к двери. Возле порога остановился, не глядя на меня, и распорядился:

— После ванны госпожа поест. Затем вы закончите осмотр. Доложите мне лично.

Лекарь устало вздохнул.

— Я непременно доложу, если вы позволите пациентке прожить достаточно долго, чтобы мне было о чём рассказывать, — заверил он генерала.

Ассер взялся за ручку двери.

Глава 22

— Она проживёт, — произнёс он с такой мрачной уверенностью, словно уже отдал этот приказ самой смерти.

И вышел.

Отмыть темноту оказалось невозможно.

Две горничные трижды меняли воду. Грязь стекала с волос и тела, оседала на белых стенках ванны, забивалась под чисто обрезанные ногти. Служанки осторожно промывали каждую ссадину, а я сидела, обхватив себя руками, и смотрела на открытую дверь.

Закрыть её я не позволила.

Горячая вода согревала кожу, но внутри всё равно оставался холод. Он сидел в костях, в груди, в том месте на плече, которого коснулся покойник.

Когда одна из девушек взяла флакон с цветочным маслом, по ванной поплыл сладкий аромат.

Мне почудилась тубероза.

Горло мгновенно сжалось. Я выбила флакон из её рук и шарахнулась к стенке ванны, расплескав воду на пол.

— Уберите! — закричала я, закрывая рот ладонью. — Пожалуйста... Уберите этот запах! Любой другой, но не этот!

Испуганная горничная торопливо подхватила флакон и выбежала из комнаты. Вторая распахнула окно, впуская прохладный вечерний воздух.

Я сидела в воде, дрожала и ненавидела себя за эту слабость.

Старый герцог умер.

Камера осталась позади.

Я была дома.

Только дом больше не казался ни родным, ни безопасным

После ванны лекарь закончил осмотр, снова перебинтовал ступни и только потом позволил горничным переодеть меня в чистую ночную сорочку. Потом меня заставили съесть несколько ложек бульона. Каждый глоток причинял боль, желудок сводило, но лекарь сидел напротив и следил за ложкой с таким выражением, словно принимал важнейший экзамен.

Ассер вернулся, когда меня уже укладывали в постель.

На нём снова был чёрный мундир, застёгнутый до самого горла. Ни одного пятна земли, ни одной расстёгнутой пуговицы. Только влажные волосы выдавали, что он тоже успел привести себя в порядок.

Муж остановился в дверях.

Его взгляд прошёлся по моим распущенным волосам, задержался на лице, скользнул ниже, к тонкому кружеву у ворота ночной сорочки. В золотистых глазах вспыхнуло что-то горячее, знакомое, почти забытое.

Ассер тут же посмотрел на лекаря.

Но я успела заметить.

Тело тоже заметило. Под кожей разлилось предательское тепло, грудь болезненно напряглась под тонкой тканью, и я поспешно натянула одеяло до подбородка.

Ненавижу.

Ненавижу его за то, что он всё ещё может так на меня смотреть.

Ещё сильнее я ненавидела себя за то, что мне этого взгляда не хватало почти год.

— Жить будет, — сообщил лекарь, закрывая саквояж. — При условии, что несколько дней проведёт в постели, будет понемногу есть и не станет снова отправляться пешком в соседнее графство.

Ассер прислонился плечом к дверному косяку.

— В нашем браке оказалось много неожиданностей, — произнёс он с мрачной иронией.
— Теперь выяснилось, что моя жена предпочитает путешествовать пешком.

— В вашем браке, судя по состоянию пациентки, вообще слишком многое выясняется с опозданием, — заметил лекарь и поднялся.

Усмешка исчезла с лица Ассера.

Доктор выдержал его взгляд и продолжил уже серьёзнее:

— Следы на руках подтверждают, что госпожа долго царапала каменную поверхность. Повреждения стоп подтверждают её рассказ о пешей дороге. Истощение тоже настоящее. Я не могу сказать, где она находилась и кто виноват.

Ассер замер.

Я тоже перестала дышать.

Это было не доказательством. Не опровержением писем. Не дверью в камеру.

Но впервые за весь день кто-то произнёс вслух, что хотя бы часть моих слов — правда.

Глава 23

— Благодарю, — ответил генерал после долгой паузы. — Вы можете идти.

Лекарь посмотрел сначала на него, потом на меня.

— Никаких успокаивающих капель, — предупредила я, заметив, как он потянулся к тёмному флакону. — Я не хочу снова проснуться и не понимать, где нахожусь.

Ассер резко повернул голову.

— Снова? — переспросил он, впиваясь в меня взглядом.

Я поняла, что сказала лишнее.

— Перед тем как меня заперли, меня чем-то опоили, — объяснила я, сжимая край одеяла. — Я помню запах. Потом тело стало тяжёлым, и я потеряла сознание.

Муж несколько секунд молчал. Его лицо медленно превращалось в ту самую непроницаемую маску, за которой он прятал всё, что не хотел показывать.

— Капель не давать, — распорядился Ассер, обращаясь к лекарю. — Ничего, что может затуманить её сознание.

Доктор убрал флакон.

— Тогда она будет плохо спать, — предупредил он, застёгивая саквояж.

— Я вообще не хочу спать, — призналась я, глядя на огонь в ближайшей лампе.

Лекарь ушёл. Горничные начали убирать окровавленные бинты и миски с водой. Одна из них подошла к столику возле кровати и потянулась к лампе.

Я увидела её руку возле фитиля.

Внутри что-то оборвалось.

— Не гасите! — закричала я, вскидываясь на постели.

Комната качнулась. Раны на ладонях отозвались болью, но я уже вцепилась в запястье служанки и не могла разжать пальцы.

Девушка испуганно смотрела на меня.

Я отпустила её и отдернула руку, словно обожглась.

— Простите, — прошептала я, чувствуя, как от унижения горят щёки. — Просто оставьте свет. Хотя бы эту лампу. Чтобы не было темноты.

Служанка неуверенно посмотрела на Ассера.

Муж стоял возле двери и смотрел на меня.

Ни насмешки, ни презрения на его лице не было. Только слишком пристальное внимание.

Он перевёл взгляд на три лампы, горевшие в спальне, подошёл к каждой и проверил резервуары с маслом.

— Наполните их до краёв, — приказал Ассер горничной. — Поставьте ещё одну возле двери. До утра здесь не должен погаснуть ни один огонь.

— Да, ваша светлость, — поспешно ответила девушка, забирая лампу.

Я смотрела на мужа и не знала, что сказать.

Благодарить его не хотелось. Эта маленькая забота ничего не меняла. Завтра должен был приехать поверенный. Прощение о разводе оставалось в силе. Ассер по-прежнему верил мёртвому отцу больше, чем живой жене.

Но он понял, что я боюсь темноты.

Как когда-то помнил, что я не люблю слишком горячий чай, не выношу запах лаванды и всегда мёрзну по ночам.

— Ваши прежние комнаты останутся закрыты, — сообщил муж, возвращая между нами безопасный холод. — До решения суда восточное крыло будет в вашем распоряжении. Мои комнаты находятся в западном. Слуги предупреждены, что мы живём раздельно.

Слова упали тяжело и окончательно. В разных частях дома. Не муж и жена. Два посторонних человека, ожидающих решения суда, чтобы окончательно стать чужими

— Не беспокойтесь, ваша светлость, — произнесла я, заставляя себя улыбнуться. — Я не перепутаю дорогу и случайно не окажусь в вашей спальне.

Ассер посмотрел на меня из-под полуопущенных ресниц.

Глава 24

— Раньше вы находили её без особого труда, — напомнил он негромко.

Щёки вспыхнули ещё сильнее.

Я вспомнила ночи, когда тайком пробиралась к нему после ссор. Вспомнила, как Ассер просыпался ещё до того, как я касалась двери, и молча приподнимал край одеяла.

Иногда мы продолжали сердиться друг на друга до самого утра.

Но спали всё равно вместе. Генерал тоже вспомнил. Это было видно по его взгляду, задержавшемуся на моих губах.

Между нами натянулось что-то горячее, болезненное. Воздух стал густым, словно для одного вдоха требовалось слишком много усилий.

Первым отступил Ассер.

— Отдыхайте, госпожа Вельтер, — произнёс он, снова превращаясь в чужого холодного генерала. — Завтра будет тяжёлый день.

— Для нашего брака или для меня? — спросила я, не в силах удержать горечь.

Муж взялся за дверную ручку.

— Разве это теперь не одно и то же? — ответил он, не оборачиваясь.

Дверь закрылась.

А я ещё долго смотрела на неё, слушая удаляющиеся шаги.

Я уснула, повернувшись лицом к свету.

Ближайшая лампа горела на столике. Её ровное золотистое пламя отражалось в стекле, дрожало на стене и обещало, что темнота больше не вернётся.

Я повторяла себе это, пока веки не стали тяжёлыми.

В комнате светло.

Дверь не заперта. За стеной находятся слуги. Старый герцог мёртв.

Я проснулась в крошечной темноте. Я открыла глаза и увидела темноту. Именно темнота меня разбудила. Она лежала на лице, забивалась в рот и нос, давила на грудь. Густая, холодная, бесконечная.

Несколько мгновений я не понимала, где нахожусь.

Потом память услужливо подсказала.

Камера.

Я всё ещё в камере.

Не было ни леса, ни дороги, ни поместья. Не было Ассера в чёрном мундире, лекаря, горячей ванны и чистой постели.

Мне всё это приснилось.

Перед смертью разум подарил мне последнюю милость — позволил вернуться домой и увидеть мужа.

А теперь сон закончился.

Из груди вырвался сиплый стон. Я вскинула руки, ожидая прикоснуться к мокрому камню, но пальцы утонули в мягком одеяле.

Ткань.

Кровать.

Я судорожно ощупала подушки, простыни, резное изголовье.

Не камера. Комната в восточном крыле. Но почему тогда нет света?

Я потянулась к столику и задела стакан. Он упал на пол и разбился. Звон стекла полоснул по тишине, а я вскрикнула и отшатнулась к стене.

Темнота снова сомкнулась вокруг меня. Я перестала чувствовать мягкую постель, чистую сорочку, тёплое одеяло. В голове осталось только одно отчаянное желание: выбраться. Добраться до двери. Увидеть свет.

В ушах резко хлопнуло. Желудок провалился, словно я падала с огромной высоты. Это было то самое чувство, как тогда, в камере.

А потом спина ударилась о пол.

Я судорожно провела ладонями по мягкому ковру и наткнулась пальцами на деревянную дверь. Она находилась прямо передо мной.

Но кровать стояла в нескольких метрах. Разбитый стакан остался возле неё.

Я не понимала, как оказалась у двери. Не помнила, чтобы вставала, шла или ползла. Возможно, в темноте и панике просто не заметила собственных движений.

За дверью кто-то говорил.

Сначала голоса казались частью воспоминания. Потом один из них прозвучал отчётливее.

Голос Ассера.

Глава 25

— Я спрашиваю не о том, что вам рассказал мой отец, — произнёс генерал где-то внизу.
— Я спрашиваю, что вы видели собственными глазами.

Я замерла.

Голос был настоящим.

Низкий, спокойный, раздражённый, живой.

Я сбросила одеяло и опустила ноги на пол. Раны тут же отозвались болью, но я почти не почувствовала её. Вытянув руки перед собой, я пошла к двери, натываясь на незнакомую мебель.

Пальцы наконец коснулись холодной ручки.

Дверь открылась.

Освещённый коридор ударил по глазам.

Я вцепилась в косяк и несколько секунд просто стояла, жадно глядя на горевшие вдоль стен лампы. Их было много. Десятки маленьких огней тянулись по галерее, отражались в зеркалах, золотили светлые стены.

Темнота осталась только в моей спальне.

Я оглянулась.

Четыре лампы погасли одновременно. Масла в стеклянных резервуарах было почти до краёв. Фитили не прогорели. Они почернели, словно их задуло ледяным дыханием.

По спине медленно прошёл холод.

В ближайшей лампе вдруг появилось тусклое красное свечение.

Я замерла, не веря собственным глазам.

Почерневший фитиль раскалился, словно кто-то невидимый пытался снова зажечь его. На одно короткое мгновение над ним появилось крошечное пламя, но тут же дрогнуло и погасло.

По стеклу медленно сползли четыре серые полосы. Они напоминали следы женских пальцев, испачканных в саже.

Я потянулась к лампе, но внизу снова прозвучал голос Ассера. На этот раз генерал отчётливо произнёс моё имя.

Я накинула халат, затянула пояс дрожащими пальцами и пошла по коридору, держась за стену. Голоса становились громче.

Они доносились из большого холла.

Я остановилась на верхней галерее.

Внизу горели все люстры и настенные лампы. Возле лестницы выстроились слуги: горничные, лакеи, повара, садовники, конюхи. Некоторые были одеты второпях, кто-то накинул сюртук прямо поверх ночной рубашки. Было видно, что их разбудили для чего-то важного.

Ассер стоял перед ними.

Он не переоделся ко сну. Чёрный мундир по-прежнему был застёгнут до горла, волосы высохли и рассыпались по широким плечам. Свет золотил жёсткие линии его лица и вспыхивал в глазах дракона.

Муж обещал, что утром со мной встретится поверенный. Но вместо сна он собрал всех слуг и начал собственное расследование. Сердце ударилось так сильно, что я прижала ладонь к груди.

Ассер почти поверил мне в оранжерее.

А теперь искал причину поверить снова.

— Кто лично видел, как госпожа Вельтер покинула поместье? — спросил генерал, медленно оглядывая слуг.

Никто из собравшихся не ответил.

Одна из горничных опустила голову. Лакей возле двери переступил с ноги на ногу. Ключница спрятала руки под передником.

Ассер подождал.

Его молчание становилось всё тяжелее. Даже с высоты галереи я чувствовала, как оно давит на людей внизу.

— Повторю вопрос, — произнёс муж пугающе спокойно. — Кто-нибудь видел, как моя жена садилась в экипаж, выезжала из ворот или покидала поместье пешком?

Дворецкий сделал шаг вперёд.

— Никто из опрошенных мной слуг этого не видел, ваша светлость, — доложил он, сохраняя безупречное спокойствие. — Покойный герцог сообщил, что госпожа уехала ночью.

— Отец сообщил, — повторил Ассер, словно впервые вслушиваясь в смысл этих слов. — Но кто приготовил экипаж?

Глава 26

Старший конюх нервно провёл ладонью по седым усам. Возле двери кто-то едва слышно переступил с ноги на ногу. Старый истопник Гаррет покосился в сторону коридора, но, заметив взгляд генерала, поспешно опустил голову.

— Ни один экипаж в ту ночь не выезжал, ваша светлость, — признался он. — Я проверил журнал конюшни. Лошади тоже оставались на месте. Следовательно, если она уехала, то точно не на нашем экипаже.

Кровь шумно ударила в виски. Я так сильно стиснула перила, что содранные ладони запульсировали под повязками. Никто не видел, как я уезжала. Потому что я не уезжала.

Эта простая мысль была похожа на первый глоток воздуха после недели в каменном мешке.

— Значит, где-то рядом ее ждал экипаж? Недалеко от дома? — уточнил генерал, и в его голосе появилась опасная насмешка.

Конюх побледнел.

— Не могу знать, ваша светлость, — ответил он, отступая в строй.

Ассер повернулся к экономке.

— Кто собирал вещи моей жены? — спросил он, проводя большим пальцем по герцогскому перстню.

Пожилая женщина заметно растерялась.

— Я помню, что чемодан несколько дней стоял открытым в гардеробной, — объяснила она, теребя связку ключей. — Внутри лежали платья и белье госпожи. А потом он исчез...

— Чемодан исчез в ту же ночь, когда исчезла моя жена? — голос Ассера стал жёстче.

Экономка облизнула пересохшие губы. Гаррет снова подался к двери. На этот раз дворецкий едва заметно преградил ему дорогу и указал взглядом на прежнее место.

— Я не знаю, ваша светлость. Личная горничная госпожи в тот день получила расчёт и покинула поместье. Герцог сказал, что ее уволила ваша супруга.

Я вцепилась в перила.

Мари уволили в день моего исчезновения.

Я не знала об этом. Старый герцог сказал, что отправил её в деревню к заболевшей матери. Я даже передала через него деньги для лекаря.

А сейчас получается, что он уволил ее?

Под рёбрами прошёл холодный спазм. Я машинально сжала халат на груди, словно могла закрыться им от запоздалого понимания. Он убрал Мари заранее. Отправил единственного человека, который мог дать показания о моей невиновности.

— Теперь меня интересует, как мой отец относился к моей жене? — спросил Ассер, перестав гладить перстень.

Экономка опустила голову ещё ниже.

— Ваш отец был безгранично добр к ней. Он часто дарил ей подарки. Однажды он улыбнулся мне и сказал, что хочет помянуть внуков. Он окружил ее заботой. И часто проводил с ней время. Больше ничего сказать не могу.

Кожа на щеке вспыхнула, будто его старческие пальцы снова медленно провели по ней. Меня замутило. Хотелось содрать с себя это воспоминание вместе с кожей, но внизу стояли десятки слуг, и каждый слышал только о его доброте.

В холле стало тихо.

Муж медленно прошёл вдоль ряда слуг.

— Любовные письма нашёл управляющий, — напомнил он, останавливаясь возле дворецкого. — Кто присутствовал при этом?

Глава 27

Дворецкий помедлил.

— Я, — ответил дворецкий. — Ваш покойный отец сразу после исчезновения госпожи приказал управляющему обыскать её комнату, а мне — присутствовать при осмотре. Управляющий нашёл письма в секретере госпожи и передал их мне.

Дворецкий склонил голову.

— Я не читал их. Управляющий отдал их мне, а я передал их вашему отцу лично в руки.

Ассер двинулся дальше.

— Кто видел госпожу Вельтер вместе с капитаном Воссом? — спросил он, остановившись перед двумя лакеями.

Молодой слуга испуганно поднял руку.

— Я несколько раз провожал капитана в малую гостиную, ваша светлость, — признался он дрожащим голосом. — Она всегда была рада его появлению. Она улыбалась.

Конечно, улыбалась! Это же весточка от мужа! Помню, как слышала объявление дворецкого в холле, что прибыл капитан Восс, и настроение тут же поднималось. Я ждала его. Ждала писем, рассказов, известий.

— Они оставались наедине? — уточнил Ассер, глядя на юношу.

Лакей поспешно покачал головой.

— При нас? Нет, ваша светлость. Там находилась горничная. Иногда сам герцог. Но госпожа всегда была с ним очень любезна. Она часто улыбалась ему. Ваш отец в последнее время был ужасно недоволен её улыбками. Он сидел мрачный, глядя на то, как она любезничает с капитаном.

Генерал медленно повернул голову к дворецкому.

— Значит, моя жена улыбалась офицеру, который привозил ей известия от меня, — подытожил он с ледяной насмешкой. — Потрясающее бесстыдство. Продолжайте.

Слуги молчали. Я смотрела на Ассера и чувствовала, как он впитывает каждое слово.

«Не надо! — убеждала я себя. — Не надо надеяться!»

Он уже почти поверил один раз.

Не надо снова придумывать, как встанет передо мной на колени.

Но сердце всё равно билось быстрее.

Ассер развернулся к остальным.

Его взгляд скользнул по испуганным лицам и внезапно остановился на старом истопнике. Тот стоял возле самой двери, сжимая в руках шерстяную шапку. Его пальцы дрожали.

— Гаррет, — произнёс генерал.

Старик вздрогнул.

— Да, ваша светлость? — отозвался он, поспешно кланяясь.

Ассер подошёл ближе.

— Во время разговора об оранжерее вы трижды пытались выйти из холла, — заметил муж с пугающим спокойствием. — Первый раз, когда заговорили об отопительных каналах. Второй — когда упомянули день исчезновения моей жены. А сейчас вы стоите возле двери и надеетесь, что я ослепну раньше, чем дойду до вас.

Истопник побледнел.

— Я ничего не хотел скрывать, ваша светлость, — пробормотал он, сминая шапку.

— Прекрасно, — произнёс Ассер, останавливаясь перед ним. — Значит, сейчас вы добровольно расскажете то, что не хотели скрывать.

Старик открыл рот, но не смог произнести ни слова.

Ассер ждал.

Не повышал голос. Не угрожал. Просто смотрел на истопника золотистыми глазами, и тот медленно сгибался под этим взглядом.

Наконец Гаррет облизнул губы.

Глава 28

— Я слышал разговор, — начал он с трудом. — Очень странный....

Я вцепилась в эти слова, замирая. Ну, может, хоть кто-то что-то слышал!

Гаррет открыл рот, словно пытался набраться храбрости, но посмотрел на собравшихся слуг и тут же осёкся.

— Простите, хозяин, — прошептал он, сменяя шапку. — Я не могу рассказать об этом при всех. Разговор касался вашей семьи. Позвольте мне сказать вам наедине. В кабинете.

Ассер несколько мгновений разглядывал старика, словно решал, доверить ли ему хотя бы дорогу до кабинета. Затем генерал поднял голову.

Его золотистый взгляд остановился прямо на мне.

Я замерла, вцепившись в перила.

Значит, Ассер всё это время знал, что я подслушиваю.

— Хорошо, — произнёс муж, не сводя с меня глаз. — В кабинете вы расскажете всё, что слышали. Но не мне одному.

В его голосе не осталось ни насмешки, ни прежнего презрения.

Ассер протянул мне руку и приказал:

— Спускайтесь, Эльсвита. Вы хотели, чтобы я узнал правду. Послушаем её вместе.

Потом его взгляд прошёлся по собравшимся слугам.

— Остальные свободны. И ещё одно. Всё услышанное сегодня останется в этом доме. Мнение о госпоже Вельтер можете оставить при себе. Что бы я сам ни думал, унижать мою жену в моём доме я никому не позволю.

В холле стало так тихо, что я услышала потрескивание фитиля ближайшей лампы.

— Я достаточно ясно выразился? — уточнил Ассер.

Слуги почти одновременно склонили головы.

Я посмотрела на протянутую руку.

Ещё несколько часов назад я мечтала только об одном: чтобы Ассер прикоснулся ко мне, обнял, поверил. Теперь между его ладонью и моей оставалось несколько ступеней и столько боли, что я не знала, хватит ли сил преодолеть хотя бы половину.

— Я спущусь сама, — произнесла я, сильнее затягивая пояс халата.

Ассер медленно опустил руку.

— Разумеется, — ответил он с мрачной усмешкой. — Именно поэтому вы стоите босиком на верхней галерее после того, как лекарь приказал не покидать постель. Вы всегда отличались разумной осторожностью.

Несколько слуг подняли головы. Я почувствовала, как к щекам приливает жар.

— Я не просила собирать слуг посреди ночи, — напомнила я, осторожно ставя ногу на первую ступень.

Боль прошила ступню до самого колена. Пальцы вцепились в перила, но я заставила себя сделать ещё один шаг.

— Вы просили меня поверить, — произнёс Ассер, наблюдая за мной снизу. — Я решил выяснить, есть ли у меня для этого хоть одна причина... верить вам...

Слова ударили сильнее разбитых ног.

Я стиснула зубы и продолжила спускаться. До Ассера оставалось восемь ступеней. Потом семь. Шесть.

На пятой колено подломилось.

Я не успела даже вскрикнуть. Ассер взлетел по лестнице с такой скоростью, что чёрный мундир мелькнул перед глазами. Одна рука обхватила меня за талию, вторая подхватила под колени.

Мир качнулся.

Я оказалась прижата к его груди.

— Поставь меня, — прошептала я, чувствуя знакомое тепло его тела даже сквозь плотную ткань мундира.

— Непременно, — пообещал муж, спускаясь со мной по лестнице. — Как только под ногами окажется что-нибудь менее опасное, чем ступени и ваша гордость.

Я хотела возмутиться, но вдохнула запах кожи, дыма и холодного ночного воздуха. Тот самый запах, который вспоминала в камере, когда начинала задыхаться от страха.

Пальцы сами сжали чёрную ткань у него на плече. Щека едва не прижалась к тёплой шее. Я вовремя остановилась и отвернулась, надеясь, что Ассер не заметил.

Он заметил.

Глава 29

Его руки крепче сжались вокруг меня. Всего на мгновение. Возможно, мне только показалось.

Слуги расступались перед нами. Никто не осмеливался поднять глаза, но я чувствовала их взгляды кожей.

Один из лакеев поспешил навстречу и протянул руки:

— Ваша светлость, позвольте, я понесу госпожу.

— Нет, — отрезал Ассер, даже не замедлив шага. — Жену я донесу сам.

Несколько часов назад весь дом узнал, что мы разъехались по разным крыльям. Теперь генерал нёс опозоренную жену на руках.

— Я могу идти, — произнесла я тише, стараясь не смотреть на его лицо.

— Вы уже убедительно это продемонстрировали, — ответил Ассер и понёс меня в кабинет.

Гаррета привели через несколько минут.

Старик остановился у двери, продолжая мять в руках шерстяную шапку. В кабинете было тепло, но его плечи мелко дрожали, словно он только что вошёл с мороза.

Ассер усадил меня в кресло возле камина, а сам остался стоять. Он не предложил Гаррету сесть.

— Здесь нет слуг, — произнёс генерал, указывая на закрытую дверь. — Говорите.

Истопник взглянул на меня и тут же отвёл глаза.

— Я не хотел причинять госпоже вред, ваша светлость, — пробормотал он, сжимая шапку так сильно, что побелели пальцы. — Поэтому и молчал. Покойный хозяин тоже велел никому не рассказывать. Сказал, что семейный позор не должен покинуть стены этого дома.

Внутри похолодело.

Гаррет не смотрел на меня. Он смотрел куда-то мне за спину. Его губы дрожали, а на висках блестел пот.

Ассер сделал шаг к нему.

— Что именно вы видели? — спросил муж тихо, но старик от его голоса ссутулился ещё сильнее.

Гаррет судорожно облизнул губы.

— Это случилось в ночь перед исчезновением госпожи, — начал он, не отрывая взгляда от пространства за моим креслом. — Я проверял камин в восточном коридоре. Было уже поздно. Наверное, около двух часов. И тогда я увидел госпожу Вельтер.

— Где именно? — уточнил Ассер, складывая руки на груди.

— Возле малой лестницы, ваша светлость, — ответил истопник. — На ней был тёмный плащ. А в руках она несла шкатулку.

Я резко выпрямилась.

Боль в ступнях исчезла. Вместе с ней пропало тепло камина. Остался только старик, который стоял передо мной и лгал. Никакой шкатулки в ночь перед исчезновением я в руки не брала. Свет погас для меня в полночь. Я ещё отчетливо запомнила бой часов, удивляясь, почему старый герцог всё время на них поглядывает, словно ждет чего-то. Тогда я подумала, что он ждет гостя. Ночные гости среди аристократов — это не редкость.

— Какую шкатулку? — спросил Ассер после короткой паузы.

Гаррет втянул голову в плечи.

— Фамильную, ваша светлость. Шкатулку вашей покойной матушки. Чёрную, с серебряным гербом Вельтер на крышке. Я хорошо её запомнил. Покойный герцог иногда приказывал

дворецкому приносить её из хранилища. И несколько раз было так, что я чистил камин, а он сидел и перебирал украшения покойной герцогини.

Ассер медленно повернулся ко мне.

Его лицо не изменилось, но я увидела, как в золотистых глазах погасла надежда.

Та самая надежда, которую он пытался скрыть, собирая слуг посреди ночи.

— Ты лжёшь, — произнесла я, глядя на Гаррета. — Тебе не стыдно?

Глава 30

Старик вздрогнул. На мгновение его глаза встретились с моими, и я увидела в них такой ужас, что слова застряли в горле.

Он боялся. Но не меня и даже не Ассера.

Гаррет снова посмотрел за моё плечо. Я обернулась.

Возле книжного шкафа никого не было. Только пламя свечи внезапно вытянулось, стало тонким и голубым. По комнате прошёл ледяной холод.

— Вы уверены, что видели именно мою жену со шкатулкой в руках? — спросил Ассер, не заметив ни странного огня, ни того, как побелел истопник.

— Да, ваша светлость, — поспешно ответил Гаррет. Слова посыпались слишком быстро, словно он пытался повторить заученный текст. — Я окликнул её. Госпожа остановилась, спрятала шкатулку под плащ и велела забыть о том, что я видел. На следующее утро я рассказал обо всём вашему отцу. Он как раз снаряжал слуг на ее поиски. И я посчитал нужным рассказать об этом его светлости.

Я вскочила с кресла.

Боль тут же ударила в ноги. Край стола поплыл перед глазами, но я удержалась за подлокотник.

— Ничего подобного не было! — закричала я, чувствуя, как от ярости начинает трясти всё тело. — Я никогда не ходила по дому ночью со шкатулкой! Я вообще её не видела! Для меня всё закончилось ужином. В полночь! Я никак не могла разгуливать по дому в два часа ночи!

Гаррет попятился.

— Простите меня, госпожа, — прошептал он, прижимая шапку к груди. — Но я должен сказать правду.

— Это не правда! — Голос сорвался. — Посмотри мне в глаза и повтори!

Старик заставил себя поднять голову.

Несколько мгновений он смотрел на меня, тяжело дыша. Потом его взгляд снова метнулся мне за спину.

Пламя свечи погасло.

— Я видел вас со шкатулкой, — выговорил Гаррет глухим, совершенно чужим голосом. Ассер встал между нами.

Он не коснулся меня, но широкая спина закрыла истопника и погасшую свечу.

— Довольно, Эльсвита, — произнёс муж, повернув ко мне голову. — Сядьте, пока снова не упали.

— Он лжёт! Разве ты не видишь, как он испуган? — задыхаясь, спросила я.

Ассер посмотрел на Гаррета.

— Я вижу старого слугу, которого среди ночи заставили рассказывать хозяину о краже фамильных драгоценностей, — ответил он после недолгой паузы. — У него достаточно причин переживать.

— Он смотрит не на тебя! — Я указала дрожащей рукой на книжный шкаф. — Всё время смотрит туда, словно возле меня кто-то стоит!

Гаррет издал странный сдавленный звук. Ассер резко обернулся к нему.

— Там кто-то есть? — спросил генерал, вглядываясь в побелевшее лицо истопника.

— Нет, ваша светлость, — пробормотал Гаррет, опуская голову. — Никого.

— Тогда почему он прячет глаза? — не унималась я.

— Просто я... я виноват... Очень сильно. Перед старым герцогом и вами, господин, — вздохнул истопник. — Я ведь мог все предотвратить... Мог бы разбудить вашего отца...

Сказать ему всю правду. Но я... я... промолчал. Подумал, что дело хозяйское, пусть сами разбираются. Я — простой истопник. Какое мне дело до шкатулок?

Глава 31

Я засмеялась.

Смех получился жалким, надломленным и почти сразу превратился в рыдание.

— Конечно. Никого. Меня никто не видел покидающей поместье, никто не готовил экипаж, никто не собирал мои вещи. Но как только тебе понадобилось доказательство, этот человек вспомнил шкатулку.

Ассер сжал челюсти. Я чувствовала, что меня трясет от злости. Неужели весь мир против меня?

— О пропаже шкатулки знал весь дом, — напомнил он, и по его лицу я поняла, что он уже снова верит отцу. — В ней хранились украшения моей матери. Они исчезли в ту же ночь, что и вы. Исчезли бесследно.

В груди что-то болезненно оборвалось. Вот почему старый герцог приказал Гаррету говорить о шкатулке.

Не просто любовник. Не просто побег.

Теперь я ещё и воровка.

— Я не брала украшения твоей матери, — произнесла я, чувствуя во рту солёный вкус. — Клянусь тебе.

— Вы уже поклялись, что не встречались с Воссом, — напомнил Ассер. — И что отец держал вас в замурованной комнате. Количество клятв растёт. Доказательств по-прежнему нет.

Он говорил холодно, но боль в его глазах была почти осязаемой.

Для Ассера эта шкатулка была не просто драгоценностью. Я вспомнила портрет покойной герцогини в западной галерее. Тонкое лицо. Взгляд, словно она вот-вот расплачется. Светлые волосы. Серьги с крупными жёлтыми камнями.

Единственная женщина, которую старый герцог, по словам сына, любил всю жизнь.

Теперь Ассер представлял, как я украла память о ней и отдала любовнику.

— Гаррет может идти. Благодарю за правду, — распорядился муж, не отрывая от меня взгляда.

Истопник поклонился так быстро, что едва не выронил шапку.

Он направился к двери, но возле моего кресла вдруг остановился. Воздух снова стал ледяным. Старик побледнел, дёрнул плечом, словно кто-то наклонился к самому его уху, а потом почти выбежал из кабинета.

Дверь закрылась.

Мы остались вдвоём.

Ассер подошёл к камину и опёрся ладонями о полку. Чёрный мундир натянулся на широких плечах. Несколько мгновений он смотрел на огонь, не говоря ни слова.

— Вы знали, где хранится шкатулка? — спросил муж наконец.

— Нет, — ответила я, опускаясь в кресло. Ноги снова горели. — Я даже не знала, что она существует.

— Гаррет подробно описал её.

— Потому что действительно видел. Только не у меня. Я не знаю, о какой шкатулке идет речь. И если рассуждать логически, то мне проще было бы взять свои украшения, которые вы мне дарили, чем воровать чужие! — произнесла я, чувствуя, что меня треплет. Эта неконтролируемая дрожь растекается по всему телу.

Ассер резко обернулся.

— Украшения моей матери намного дороже, чем ваши. Их делал мастер, которого уже нет в живых. Так что вполне возможно, что вы рассудили взять их, а не свои украшения. К тому же, вы могли попытаться запутать следы.

Я открыла рот и замолчала.

Я не знала.

У меня снова не было ничего, кроме правды, которую невозможно доказать.

— Именно так я и думал, — произнёс он, устало потирая переносицу.

В дверь постучали.

Глава 32

Ассер выпрямился.

— Войдите, — разрешил он, снова превращаясь в холодного генерала.

На пороге появился дворецкий. За его плечом стоял усталый всадник в дорожном плаще, а рядом с ним переминалась с ноги на ногу полная женщина в старой коричневой шали.

Я узнала её сразу.

— Марита! — выдохнула я, не веря собственным глазам.

Женщина заглянула в кабинет. Увидела меня в кресле и всплеснула руками.

— Живая! — воскликнула она, бросаясь ко мне. — Милостивые боги, да вы живая!

Марита опустилась передо мной на колени и схватила мои руки. Её ладони пахли хлебом, молоком и дымом. Тем самым безопасным домом, в котором я провела первую ночь после темницы.

Я вцепилась в её пальцы.

— Я говорила вам, что дойду, — прошептала я, чувствуя, как глаза наполняются слезами.

— Да какое там дойдёте! — возмутилась Марита, разглядывая моё лицо. — Я за вами сына послала, а вас уже и след простыл! На ногах-то живого места не было! Ветер дунет — и унесёт, а она всё одно: «Мне домой надо. Муж сегодня вернётся».

В кабинете стало тихо.

Я подняла глаза. Ассер стоял возле камина. Его пальцы медленно разжались.

— Расскажите всё по порядку, — попросил он, и впервые за эту ночь в его голосе не было ни угрозы, ни насмешки. — Когда вы увидели мою жену?

Марита только теперь внимательно посмотрела на него. Узнала герцогский перстень, чёрный мундир и золотистые глаза. Она поспешно поднялась, встала, чуть опустив голову.

— Вчера вечером, ваша светлость, — ответила женщина, поправляя сбившуюся шаль. — Солнце уже садилось. Я вышла за козой, а госпожа возле изгороди лежит. Сначала подумала, мёртвая. Платье грязное, руки в крови, ноги тоже. Потом она глаза открыла и воды попросила.

Ассер посмотрел на мои перевязанные руки.

— Она была одна? — спросил он, медленно приближаясь.

— Совсем одна, ваша светлость, — подтвердила Марита. — Ни вещей, ни лошади, ни экипажа. Даже обуви порядочной не было. Только рваные тряпичные туфли. Не обувь, а одно название! Я потом сына в лес отправила посмотреть, не остался ли кто-нибудь. Мало ли, разбойников в этих местах немного, но, бывает, что нападают. Он до темноты искал. Следы только одни нашёл. Женские.

Сердце ударилось о рёбра.

Я появилась из леса одна.

На лице Ассера ничего не изменилось, но он остановился так близко, что я увидела тонкую царапину на его скуле.

— Чем она расплатилась? — спросил муж.

Марита развязала уголок платка и протянула ему два маленьких бриллианта.

Камни блеснули на её грубой ладони.

— Вот этими, ваша светлость, — объяснила женщина. — Я брать не хотела. Как можно с человека за воду такие деньжищи требовать? Но госпожа настояла. Сказала, потом её муж всё возместит. Я в богов верю. А они говорят, не наживайся на горе людском. Да к тому же недавно одну мою знакомую в краже обвинили. В Мербурге. Ей, дескать, один проезжий сережку вручил золотую побрякушку. За постой. А потом он же прибежал и сказал, что она у него украла! Зачем сделал? Непонятно.

Ассер взял один камень и поднёс к огню.

Глава 33

— Такие были на вашем платье, — произнёс он, переводя взгляд на меня.

— Я тебе показывала пустые крепления, — напомнила я, чувствуя, как надежда осторожно поднимает голову. — Но ты решил, что остальные драгоценности я спрятала.

Муж ничего не ответил.

Марита вдруг нахмурилась.

— Я ей больше еды хотела дать, так она не взяла, — продолжила она, глядя на Ассера. — Она сначала кольцо хотела оставить мне, но потом подумала, руку к груди прижала и сказала, что обручальное кольцо не продаст. Ни за что. И целовала его.

Я машинально накрыла кольцо ладонью. Тонкий ободок врезался в распухший палец, и эта маленькая боль почему-то оказалась сильнее голода, разбитых ног и всех обвинений. Я сохранила его. Сохранила мужа, который уже отказался от меня.

Пальцы Ассера дрогнули.

Его взгляд опустился на мою левую руку.

Кольцо всё ещё было там. Грязь отмыли, царапины обработали, ногти коротко подстригли, но тонкий золотой ободок остался на пальце.

Я не сняла его даже тогда, когда от голода темнело в глазах.

Не сняла и после того, как Ассер сообщил о разводе.

— Почему? — спросил муж так тихо, что Марита не расслышала.

Я расслышала.

— Потому что я возвращалась к мужу, — ответила я, глядя ему в глаза. — Не к герцогу, не в поместье и не за фамильными драгоценностями. К тебе.

Последнее слово ободрало горло. Я чувствовала, как под халатом болезненно поднимается грудь, как кольцо впивается в сжатый кулак, но не отводила глаз. Мне казалось, если Ассер сейчас снова усмехнётся, внутри окончательно что-то лопнет.

Что-то дрогнуло в его лице.

Золотистый взгляд опустился к моим губам, задержался на них, а потом снова поднялся к глазам. Ассер словно пытался найти во мне женщину, которую любил до отъезда. Ту, чьё последнее письмо одиннадцать месяцев носил возле сердца.

В кабинете стало слишком тихо.

— Она всю ночь ваше имя повторяла, — добавила Марита, не замечая, что каждое её слово срывает ещё один камень со стены между нами. — Даже во сне. А утром боялась опоздать. Я ей говорю: «Останьтесь, дождитесь, пока ноги заживут». А она плачет и отвечает: «Он вернётся и решит, что я его не дождалась».

Ассер закрыл глаза.

На скулах заходили желваки.

Я увидела, сколько боли причинили ему эти слова, и впервые не испытала ни злорадства, ни желания ударить в ответ. Только страшную усталость.

Если бы он поверил мне сразу, ничего этого не было бы.

Но он не поверил.

И несколько слов незнакомой женщины не могли вернуть тот момент, когда я бросилась к мужу, а он спросил, где мой любовник.

Ассер открыл глаза и повернулся к дворецкому.

Глава 34

— Марите и её семье выплатить вознаграждение, — распорядился генерал. — Отправьте лекаря в деревню, если кому-то из них потребуется помощь. Домой её доставят в моём экипаже.

— Не нужно мне столько, ваша светлость, — смутилась женщина, комкая край шали. — Я ничего особенного не сделала.

— Вы помогли моей жене, когда ей никто не помог, — произнёс Ассер, и от тяжести его голоса дворецкий опустил глаза. — Поэтому вознаграждение получите. Со мной опасно спорить о суммах.

Он повернулся к дворецкому.

— И запомните эту семью. Если им когда-нибудь понадобится помощь, они обращаются непосредственно ко мне. Без прошений и ожидания.

Марита посмотрела на него, потом на меня и благоразумно промолчала. Когда её увели, Ассер ещё некоторое время стоял возле двери.

Я ждала.

Сердце билось так сильно, что каждый удар отдавался в горле.

Сейчас он повернётся. Посмотрит на меня. Скажет, что был неправ. Хотя бы признает, что сомневается.

Ассер действительно повернулся.

Его лицо оставалось усталым и напряжённым, но прежнего презрения в нём больше не было.

— Я распоряжусь задержать поверенного, — произнёс муж, медленно подходя ко мне. — До окончания расследования никаких документов вы подписывать не будете.

Я судорожно вдохнула.

— Ты приостанавливаешь развод?

— Я сказал только то, что сказал, Эльсвита, — предупредил Ассер, но в его голосе уже не было прежнего холода. — Рассказ Мариты подтверждает, что вы добрались до неё одна, истощённая и без вещей. Он не доказывает, где вы находились до этого.

— Но ты мне почти веришь, — прошептала я, боясь, что одно неверное слово снова заставит его отступить.

Ассер остановился передо мной.

— Я не знаю, во что мне верить, — признался он после долгой паузы. — И это гораздо хуже.

Он опустил взгляд на мои ступни. На белой повязке проступили алые пятна.

Лицо мужа мгновенно изменилось.

— Вы снова разодрали раны, — произнёс он с раздражением, за которым слишком хорошо пряталась тревога.

— У меня была уважительная причина, — пробурчала я.

— Вы всегда находили уважительную причину делать то, что вам запрещено.

Ассер наклонился и снова поднял меня на руки. На этот раз я не стала спорить.

Сил не осталось.

Я положила ладонь ему на плечо и позволила нести себя через опустевший холл. Его шаги были ровными и уверенными. Пламя ламп отражалось в серебряных застёжках чёрного мундира.

Когда-то я принадлежала этим рукам.

Знала, как осторожно они могут расстёгивать пуговицы на моём платье и как легко ломают сталь. Знала, как Ассер прижимает меня к себе во сне, даже если перед этим клянётся, что смертельно оскорблён и никогда больше со мной не заговорит.

Теперь он нёс меня так бережно, словно я была чем-то одновременно дорогим и опасным.

У двери спальни Ассер задержался.

— Оставьте свет, — попросила я, чувствуя, как тело напряглось при одном взгляде на тёмный дверной проём.

— Все лампы заменят, — ответил муж. — Я уже распорядился.

Он внёс меня в комнату и уложил на постель. Потом сам зажёл свечу возле изголовья и проверил фитиль.

Я смотрела на его склонённое лицо.

Прядь чёрных волос упала ему на лоб. Пальцы, способные разорвать человека, осторожно прикрыли стеклянную дверцу лампы.

— Ассер, — позвала я, не успев решить, что именно хочу сказать.

Глава 35

Муж поднял голову.

Между нами оставалось меньше шага.

Я увидела, как его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на распушенных волосах, на приоткрытых губах. В золотистых глазах появилось то знакомое горячее выражение, от которого у меня задрожали пальцы.

Ассер протянул руку.

На этот раз пальцы не остановились. Он осторожно отвёл прядь волос от моего лица, заправил её за ухо, и кончики пальцев скользнули по виску. Потом ладонь легла на щёку.

Я замерла.

Его прикосновение было таким знакомым, что тело отозвалось раньше разума. Я невольно повернула лицо к его ладони и тут же испугалась собственного движения.

Ассер тоже это почувствовал.

Большой палец медленно провёл по скуле, будто проверяя, действительно ли перед ним я, а не женщина из чужой истории, которую он придумал за время войны.

— Ты совсем исхудала, — произнёс он тихо.

Не «вы».

Ты.

От одного этого слова защипало глаза.

Я подняла на него взгляд. Ассер стоял совсем близко. В золотистых глазах уже не было ни презрения, ни холодной уверенности. Только усталость, боль и что-то ещё, слишком похожее на надежду.

Его взгляд опустился к моим губам.

Сердце ударило так сильно, что стало больно.

Он наклонился медленно, словно оставлял мне возможность отвернуться. Я не отвернулась.

Наоборот, сама не заметила, как закрыла глаза.

Тёплое дыхание коснулось губ. На мгновение мне показалось, что всё уже случилось: никакой камеры, никаких писем, никакого Восса между нами больше нет.

Губы Ассера едва коснулись моих.

Так легко, что я не успела понять, был ли это поцелуй или он остановился в последнее мгновение.

Муж замер.

Его ладонь всё ещё держала моё лицо, а лоб осторожно коснулся моего.

Несколько секунд мы просто дышали одним воздухом.

— Ассер... — прошептала я.

Пальцы на моей щеке дрогнули.

— Не надо, — так же тихо попросил он.

Я не знала, кого он останавливал — меня или себя.

Ассер закрыл глаза, задержался ещё на одно мучительно долгое мгновение, а потом заставил себя отступить. Вместе с его ладонью с моей кожи исчезло тепло.

— Поспите, — произнёс муж хрипло. — Утром мы продолжим.

Когда дверь закрылась, я ещё долго смотрела на неё.

Он почти поверил. Почти поцеловал меня. Почти вернулся.

Я уже собиралась лечь, когда за дверью послышался голос Ассера.

Муж не ушёл.

Он остановился в коридоре и теперь негромко разговаривал с кем-то. Я не сразу разобрала слова. Тяжёлые портьеры заглушали шум ветра, в камине оседали угли, а в доме наконец стало тихо после допроса слуг. И в этой тишине знакомый голос прозвучал так отчётливо, словно Ассер стоял возле самого изголовья.

— Кто занимался корреспонденцией моей жены во время моего отсутствия? — спросил он.

Я замерла, не успев опустить голову на подушку.

Ему ответил дворецкий. Как всегда, почтительно и сдержанно, словно вопрос не застал его посреди ночи возле спальни опальной хозяйки.

— Личная горничная госпожи Вельтер, ваша светлость. Мари приносила мне запечатанные конверты, а я передавал их военным курьерам.

Сердце ударилось о рёбра.

Ассер всё-таки решил проверить мои слова.

Не отмахнулся. Не назвал очередной ложью. Он вернулся к вопросу о письмах после того, как Марита рассказала про обручальное кольцо, и теперь искал объяснение тому, почему за одиннадцать месяцев получил от жены единственный лист.

Надежда вспыхнула внутри так резко, что мне стало больно дышать.

Я осторожно отбросила одеяло и спустила ноги с кровати. Стоило ступням коснуться ковра, как под свежими повязками вспыхнула боль. Она поднялась от пяток к коленям, заставив меня судорожно вцепиться в столбик кровати.

Доктор приказал лежать. Ассер приказал лежать.

Но за дверью сейчас решалась судьба моих писем. А значит, и моего брака.

— Сколько конвертов Мари передала вам за время моего отсутствия? — спросил Ассер после короткой паузы.

За дверью стало тихо.

Я медленно поднялась. Колени задрожали, ступни болезненно пульсировали, но я сделала первый шаг, потом второй. Мягкий ворс ковра цеплялся за повязки. От каждого прикосновения кожа под бинтами натягивалась и начинала гореть.

Дворецкий не отвечал.

Пауза становилась слишком долгой.

— Я задал вопрос, — напомнил Ассер уже холоднее.

Глава 36

— Одно письмо, ваша светлость, — наконец произнёс дворецкий. — На следующий день после вашего отъезда.

Я остановилась.

Пальцы сами сжались на спинке кресла. Перед глазами на мгновение потемнело, а боль в ногах исчезла, вытесненная другим, гораздо более страшным ощущением.

Одно.

То самое письмо, которое Ассер одиннадцать месяцев носил возле сердца. Читал перед сражениями. Доставал, когда думал, что не доживёт до утра.

А потом ждал следующего.

День. Неделю. Месяц.

Ждал, пока надежда не превратилась в унижение, а любовь — в уверенность, что жена забыла его сразу после отъезда.

— Других писем не было? — переспросил муж.

Когда-то я спросила, почему Ассер так ненавидит слово «возможно».

— Потому что оно означает, что кто-то плохо сделал свою работу, — ответил он.

— А если знать невозможно?

— Значит, нужно выяснить.

Для Ассера всё в мире должно было иметь ответ. Наверное, поэтому моя история сводила его с ума.

Теперь в его голосе появилась та пугающая сухость, с которой он допрашивал человека, уже попавшегося на противоречии, но ещё не понявшего этого.

— Нет, ваша светлость, — подтвердил дворецкий. — Больше Мари ничего мне не передавала.

Я дошла до двери и схватилась за ручку.

Металл оказался холодным. Ледяным, словно кто-то держал ладонь на другой стороне. От этого холода пальцы онемели, но я всё равно рванула дверь на себя.

Ассер стоял возле окна.

Высокий, неподвижный, всё ещё в чёрном мундире, который делал его красивее, чем имел право выглядеть мужчина, только несколько часов назад потребовавший развода. Серебряные застёжки тускло блестели в свете настенных ламп. Чёрные волосы были собраны на затылке, но одна прядь выбилась и падала на висок.

Дворецкий находился напротив него, сцепив руки за спиной. При моём появлении оба повернули головы.

— Это ложь, — произнесла я. — Вы сами были один раз свидетелем, как я писала письмо!

Голос прозвучал тихо. Почти спокойно.

Только тело выдавало меня. Колени дрожали, пальцы судорожно сжимали дверную ручку, а сердце билось так часто, что я чувствовала каждый удар в пересохшем горле.

Ассер сразу опустил взгляд на мои босые ноги.

Лицо мужа потемнело, когда он заметил красное пятно, медленно расплывающееся по белой повязке.

— Вам приказали лежать, — напомнил он, направляясь ко мне.

— А тебе приказали не верить ни единому моему слову? — спросила я, крепче вцепляясь в дверной косяк. — Потому что этот приказ ты исполняешь безупречно.

Ассер остановился.

На его лице не отразилось ничего, но в золотистых глазах вспыхнуло предупреждение. Прежняя я, возможно, замолчала бы. Или хотя бы постаралась выбрать слова помягче.

Но прежняя я не провела одиннадцать дней в темноте, слизывая воду со стен и думая о муже, который в это время ждал писем.

— Я писала тебе каждый день, — продолжила я, глядя только на Ассера. — Иногда не успевала закончить письмо за один вечер. Тогда оставляла его на столе, а утром дописывала. Каждые три или четыре дня Мари забирала из моего секретера несколько конвертов. Я сама отдавала их ей в руки.

Муж перевёл взгляд на дворецкого.

— Вы слышали госпожу Вельтер, — произнёс он. — Что скажете?

Глава 37

Пламя ближайшей лампы неожиданно дрогнуло.

Сначала мне показалось, что в коридоре появился сквозняк. Потом холод коснулся босых ступней, поднялся под ночную рубашку и пополз по спине. Кожа на руках покрылась мурашками.

Ни одно окно не было открыто.

Дворецкий побледнел. Его лицо осталось непроницаемым, но взгляд на мгновение метнулся к тёмному повороту галереи.

Туда, где не горела ни одна лампа.

— Да, я видел, что госпожа кому-то пишет. Но я не видел адресата. Она шептала что-то нежное и улыбалась. Я и сам решил, что письмо адресовывалось вам. Я не могу утверждать, что видел, что письмо было для вас. Возможно, горничная передавала письма кому-то другому, ваша светлость, — предположил он, старательно не глядя в мою сторону. — Я получил только один конверт.

— Кому ещё она могла их передавать? — спросил Ассер, наблюдая за слугой с тем вниманием, от которого даже невинный человек начинал вспоминать преступления, совершённые в прошлой жизни.

Дворецкий облизнул пересохшие губы.

— Вашему покойному отцу, — ответил он после недолгого молчания. — Военная корреспонденция проходила через его руки. У старого герцога были собственные курьеры. Мари могла отнести письма ему, не обращаясь ко мне. Я не знал, какие распоряжения относительно писем давал покойный господин Мари.

У меня перехватило дыхание.

Вот оно.

Объяснение находилось прямо перед нами, настолько простое и страшное, что я не понимала, почему не догадалась раньше.

Мои письма попадали к старому герцогу. Возможно, он вскрывал их. Читал строки, написанные для сына. Знал, как сильно я скучаю по Ассеру, как жду его возвращения, как боюсь за него после каждого известия о новом сражении.

А потом сжигал. Или прятал.

А Ассер одиннадцать месяцев ждал ответа, которого я якобы не хотела писать.

— Ты слышал? — спросила я, поворачиваясь к мужу. Голос сорвался, но я всё равно продолжила: — Твой отец получал мои письма. Все они проходили через него!

Ассер смотрел на меня молча.

Я видела, как работает его разум. Как он сопоставляет даты, исчезнувшие конверты, единственное полученное письмо и слова человека, которого всю жизнь считал образцом чести.

Надежда поднялась ещё выше. Но муж не позволил ей добраться до сердца.

— Дворецкий сказал, что Мари могла передавать письма отцу, — поправил он после тяжёлой паузы. — Не что она действительно это делала. К тому же, я не могу быть уверенным в том, что эти письма адресовались мне. Судя по всему, вы вели переписку не только со мной.

От его выводов меня затрясло.

Я сделала шаг к нему и едва не упала. Ступни обожгло, колени подломились, но Ассер оказался рядом прежде, чем я успела удариться о пол.

Его рука обхватила меня за талию.

Жар мужского тела прошёл сквозь тонкую ткань ночной рубашки. Я почувствовала знакомый запах дыма, кожи и холодного ночного воздуха, увидела совсем близко резкую линию

его скулы. На одно короткое мгновение захотелось прижаться, обхватить руками и заставить вспомнить, сколько раз я засыпала именно так, уткнувшись лицом ему в грудь.

Но Ассер держал меня не как жену.

Глава 38

Как раненую, которую следовало вернуть в постель.

Я выпрямилась и отстранила его руку.

— Тогда найди Мари, — потребовала я, продолжая держаться за косяк. — Она подтвердит, сколько писем забирала из моей комнаты. Спроси её, что я писала. Спроси, как ждала ответа. Спроси, почему каждое утро первым делом велела узнать, не прибыл ли курьер.

Ассер повернулся к дворецкому.

— Где сейчас личная горничная моей жены? — спросил он.

Дворецкий опустил глаза.

— Мари покинула поместье в день исчезновения госпожи Вельтер, ваша светлость, — сообщил он. — Ваш покойный отец сказал, что госпожа сама рассчитала её.

У меня онемели губы.

Коридор медленно накренился. Золотой свет ламп растянулся длинными полосами, лица передо мной поплыли, а пальцы заскользили по гладкому дереву.

— Я её не увольняла, — выговорила я, чувствуя, как исчезает голос. — Твой отец сказал, что у Мари заболела мать. Что она срочно уехала в деревню. Я передала через него деньги на лекаря.

Ассер ничего не ответил.

Он смотрел на меня, а я видела, как в его глазах снова появляется сомнение.

Сначала исчезли письма.

Потом из дома убрали женщину, которая могла подтвердить их существование.

И произошло это именно в тот день, когда меня одурманили и унесли из столовой.

Такое уже нельзя было назвать простым совпадением.

— Она должна была вернуться, — продолжила я, пытаюсь вспомнить тот разговор. От напряжения заломило виски. — Герцог сказал, что болезнь несерьёзная. Что Мари понадобится несколько дней. Я ещё просила передать ей, чтобы она не торопилась и оставалась с матерью столько, сколько потребуется.

Голос сорвался.

Я отдала деньги человеку, который собирался меня убить. Просила его помочь женщине, от которой он уже решил избавиться. А он стоял передо мной, слушал и, наверное, представлял, как скоро в доме не останется ни одного человека, способного рассказать Ассеру правду.

— Найдите Мари, — приказал муж.

Дворецкий поднял голову.

— Ваша светлость? — переспросил он, словно не ожидал такого распоряжения.

Ассер медленно повернулся к нему.

В золотистых глазах появилось драконье пламя.

— Поднимите записи о расчётах, расспросите кучеров и выясните, куда она уехала, — распорядился генерал с пугающим спокойствием. — Мне нужна сама горничная. Живая, невредимая и способная отвечать на вопросы. Если придётся поднять на ноги все деревни в герцогстве, поднимите.

— Будет исполнено, ваша светлость, — ответил дворецкий, поспешно склоняя голову.

Однако уходить он не торопился.

Его пальцы, сцепленные за спиной, едва заметно дрожали. Взгляд снова метнулся к тёмному концу коридора.

— Что ещё? — спросил Ассер, заметив его замешательство.

— Сохранилась книга исходящей корреспонденции, ваша светлость, — сообщил дворецкий. — В неё вносили все письма, которые отправлялись из поместья.

У меня снова болезненно сжалось сердце.

Если Мари передавала письма старому герцогу, записи могли сохраниться. Даты. Количество конвертов. Возможно, даже имена курьеров.

Ассер тоже это понял.

Глава 39

— Принесите книгу, — приказал он.

Дворецкий невольно посмотрел на часы, стоявшие возле окна.

— Сейчас, ваша светлость? — осторожно уточнил он.

Ассер слегка наклонил голову.

— Вы видите на моем лице признаки человека, который намерен спокойно уснуть?

Уголок моих губ дёрнулся.

Ассер вообще плохо спал, если оставалось нерешённое дело. Мог среди ночи встать, уйти в кабинет и проверить цифру, которая внезапно показалась ему подозрительной. Однажды я проснулась в три часа и обнаружила мужа над счетами конюшни.

— Лошадь съела на два мешка овса больше положенного, — сообщил он.

— Арестуешь?

— Сначала допрошу.

Прежний Ассер сказал бы то же самое. Тем же убийственно серьёзным голосом, после которого несчастный офицер ещё несколько минут не мог понять, разрешили ему улыбнуться или уже приказали готовиться к казни.

Дворецкий оказался опытнее.

— Нет, ваша светлость, — поспешно ответил он. — Книгу немедленно принесут.

Он поклонился и направился к лестнице.

Когда дворецкий проходил мимо тёмного поворота, пламя настенной лампы вдруг прижалось к фитилю. По коридору снова прокатился ледяной холод. Слуга дёрнул плечом, словно кто-то наклонился к его уху, но не остановился и не обернулся.

Ассер проследил за ним взглядом.

Он тоже заметил.

Я не успела спросить, что именно муж увидел. Ассер дождался, пока шаги дворцового стихнут на лестнице, а потом повернулся ко мне.

Его глаза сразу опустились к моим ногам.

Красное пятно на повязке стало шире. Кровь уже пропитала несколько слоёв бинта и теперь медленно стекала по внутренней стороне ступни. Одна горячая капля сорвалась с пятки и упала на светлый ковёр.

Ассер сжал челюсти.

— Вы собираетесь стоять здесь, пока доктору снова не придётся отдирать ткань от ваших ран? — спросил он, приближаясь.

— Я собираюсь дожждаться книги, — ответила я, хотя от слабости уже темнело в глазах.

— Книгу принесут мне, — напомнил муж, останавливаясь напротив.

— Речь идёт о моих письмах.

— Именно поэтому я проверю записи сам.

— Чтобы потом сообщить, что там ничего нет и твой отец снова оказался прав? — спросила я, чувствуя, как надежда смешивается с обидой. — Нет. Я хочу увидеть книгу своими глазами.

Ассер несколько секунд смотрел на меня.

Между нами оставалось так мало пространства, что я чувствовала исходившее от него тепло. Видела, как тяжело поднимается грудь под чёрным мундиром. Его рука дёрнулась, словно он снова хотел подхватить меня, но муж заставил себя остановиться.

— Если записи подтвердят ваши слова, вы узнаете об этом первой, — пообещал он.

— А если не подтвердят? — спросила я, вглядываясь в его лицо.

Ассер опустил взгляд на моё обручальное кольцо. Тонкий золотой ободок блеснул в свете лампы.

— Тогда я всё равно найду Мари, — произнёс он после долгой паузы. — Потому что теперь хочу услышать, что скажет женщина, которую отец удалил из дома именно в день вашего исчезновения.

Сердце снова ударилось о рёбра.

На этот раз не от боли.

Ассер не поверил мне.

Глава 40

Но впервые начал искать доказательства не моей вины, а отцовской лжи.

Я вернулась в комнату, легла, но сон не приходил. Слишком много мыслей билось в голову. Шкатулка. Испуганное лицо Гаррета. Погасшая свеча. Ледяной холод, прошедший по кабинету. А теперь к этому прибавились письма.

Старик солгал. Я знала это. Оставалось понять почему.

За дверью слышались шаги. Я приподнялась на локтях. Шаги остановились где-то возле поворота галереи, а затем раздались приглушённые голоса. Я выскользнула из кровати, чтобы узнать, кто там ходит среди ночи, когда все приличные слуги должны спать.

Я прошла буквально десять шагов по мягкому ковру, как вдруг услышала отдышку.

— Я всё сказал, как он приказал, — прошептал Гаррет. Его голос дрожал так сильно, что я едва разбирала слова. — Всё, Берта. Про шкатулку, про коридор... каждое слово.

Я замерла.

Сердце ударилось один раз. Второй. Он говорил с экономкой.

Потом словно остановилось.

— Тише вы! — прошипела женщина. — Хотите, чтобы он снова пришёл?

— Мне страшно, Берта, — простонал Гаррет. — Он стоял возле моей кровати. Мёртвый. В погребальном костюме. В том самом, в котором его похоронили. Сказал, что если я не сделаю, как велено, меня замуруют следующим. Надеюсь, старый герцог теперь будет доволен и не тронет меня.

Коридор качнулся. Во рту появился вкус сырого камня и собственной крови, которой я разбивала губы, пытаясь кричать. Я привалилась плечом к стене, но тут же отшатнулась: на мгновение мне показалось, что холодная поверхность приближается, сдавливает грудь, снова оставляя меня без воздуха.

Пальцы заскребли по обоям. Я остановила себя только тогда, когда сломанный ноготь отозвался болью.

По коридору прокатился холод. Пламя моей лампы качнулось. Женщина испуганно всхлипнула.

— Он здесь, — выдохнула Берта. — Гаррет... он нас слышит! Хватит говорить о нем! Я прошу вас! Прекратите! Мне самой страшно!

Я осторожно высунулась. Только возле дальнего поворота метнулись две тени. Заскрипела деревянная лестница, а потом вдалеке хлопнула дверь коридора, предназначенного для комнат слуг.

А на стене, между двумя горящими лампами, висел портрет старого герцога.

Его лицо оставалось нетронутым. Губы на портрете улыбались. Он был еще красив той самой благородной красотой, отличающей старых аристократов. Темные волосы с проседью, горделивый взгляд желтых глаз, надменная поза. Я знала, что ему лет двести. Но выглядел он на пятьдесят. Между ним и сыном было что-то общее. Неуловимый набор черт, отличающий породу и фамилию. Но это сходство вызывало во мне отторжение. Бывший королевский дознаватель, осыпанный наградами и регалиями. Чудовище с легкой хромотой.

Я попятилась и закрыла дверь.

Теперь я знала, почему молчат слуги.

Они тоже видели его.

Мёртвый герцог не просто являлся мне. Он бродил по собственному дому, приходил к людям по ночам и заставлял их продолжать ложь, которую не успел закончить при жизни.

Я должна была немедленно рассказать Ассеру.

Глава 41

Но в западное крыло идти не решилась. Если я разбужу его и заявлю, что услышала разговор с участием призрака, это уничтожит слабое доверие, которое только начало возвращаться со словами Мариты.

Утром я найду Гаррета. Заставлю его повторить правду при Ассере.

Эта мысль немного успокоила. По крайней мере, я знала, что Гаррет лгал не по собственной воле.

Я сглотнула. Мне показалось, что весь этот дом, все эти стены окутаны невидимой призрачной паутиной. И каждый, кто в этом доме — марионетка в руках мстительного призрака. Но еще страшнее то, что я не знала, что случилось в камере. Просто бросил он меня или... между нами что-то было?

Но тут же я помотала головой, чтобы отогнать эту мысль. Я не хочу думать об этом... Даже если это произошло, то это произошло не по моей воле, не с моего согласия...

Желудок свело так резко, что я прижала ладонь ко рту. Колени сами сжались, по коже прошёл липкий холод. После ванны я была чистой, но внезапно снова почувствовала себя грязной.захотелось вернуться в воду и тереть кожу до крови, пока не исчезнет само воспоминание о его руках.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы успокоиться. Я старалась расслабить плечи, думать о хорошем, о надежде, которая забрезжила со словами Мариты.

Я вернулась в постель, проверила лампу и впервые за всю ночь позволила себе улыбнуться.

У меня появился свидетель. Марита. И что-то надломилось в моем муже.

Теперь всё изменится.

Проснувшись я от звука открывающейся двери.

За окнами уже светало. Комната наполнилась холодным серым светом, в котором пламя лампы казалось бледным и ненужным.

Ассер вошёл без стука.

Он снова был в чёрном. Волосы собраны на затылке, мундир застёгнут до самого горла. Но сейчас чёрный цвет не подчёркивал его красоту.

Он превращал мужа в вестника смерти. Я смотрела на его лицо, понимая, что сейчас случится что-то очень плохое!

Я села на постели. Сон тут же улетучился. Ассер посмотрел на меня, а уголок его губ брезгливо дернулся.

— Что? Что случилось?! — торопливо произнесла я, замирая при виде его холодного взгляда.

Вчера он смотрел на меня иначе...

— Книгу исходящей корреспонденции нашли, — произнёс муж, останавливаясь возле кровати. — За одиннадцать месяцев в ней отмечено только одно ваше письмо. То самое, которое я получил после отъезда.

От этих слов внутри всё похолодело.

— Запись могли уничтожить, — выговорила я, уже понимая, насколько беспомощно это прозвучит. — Или даже просто не внести! Их вносил ваш отец или дворецкий по его приказу!

— Разумеется, — отозвался Ассер с горькой усмешкой. — Письма перехватили, книгу исправили, горничную заставили исчезнуть. Отец предусмотрел всё.

Я посмотрела на его лицо и поняла, что слабое сомнение, появившееся ночью, снова почти исчезло.

— А Мари? — спросила я, вцепляясь в край одеяла. — Ты приказал её найти.

— Посыльный уже вернулся из деревни, — ответил муж. — Но у матери она не появлялась. Так же она не появлялась у родственников. Они до сих пор уверены, что она служит в доме Вельтер.

Я судорожно вдохнула.

Кто-то заранее позаботился о том, чтобы единственного свидетеля невозможно было отыскать.

— Ты понимаешь, что это не просто так! — воскликнула я. — Просто так люди не исчезают!

Глава 42

— Конечно, — заметил Ассер, усмехнувшись. Он стоял и что-то прятал за спиной. Я только сейчас это заметила. Его руку, заведенную за спину. — Особенно верные служанки, которые сначала помогают своей госпоже бежать. И чтобы гнев не обрушился на нее, Мари, видимо, предпочла исчезнуть сама, не дожидаясь, когда все спохватятся и сделают ее виноватой. Так что все логично.

Я смотрела на мужа, понимая, что Ассер увидел в исчезновении горничной другое.

Что Мари помогла мне сбежать и скрылась сама.

Муж швырнул на кровать небольшую чёрную шкатулку. Я невольно дернулась.

Она упала возле моих ног и перевернулась. Крышка распахнулась. Крышка ударила меня по босой ступне, но я почти не почувствовала боли. Инстинктивно подтянула ноги под одеяло и натянула его выше, словно тонкая ткань могла защитить меня от чёрной шкатулки и взгляда мужа.

Внутри шкатулки было пусто.

На чёрном бархате остались углубления для кольца, браслета и серёг. На крышке серебрился герб Вельтер.

Улыбка медленно исчезла с моего лица.

— Сегодня утром капитана Восса обнаружили мёртвым, — произнёс Ассер, глядя на меня так, словно между прошлой ночью и этим утром успел окончательно похоронить нашу любовь. — Тело нашли в заброшенном доме возле северной дороги. Мне только что доложили.

В ушах зазвенело.

Я смотрела на пустую шкатулку и не могла заставить себя вдохнуть.

— Это нашли среди его личных вещей, — продолжил муж. — Семейная шкатулка моей матери. Та самая, с которой Гаррет видел вас в ночь исчезновения.

— Он солгал, — прошептала я, не узнавая своего голоса. — Я слышала, как он признался...

Ассер достал из внутреннего кармана что-то маленькое и положил рядом со шкатулкой.

Серьга. Крупный жёлтый камень сверкнул на измятом покрывале.

Я видела его раньше. На портрете покойной герцогини. Это были ее любимые серьги...

Пальцы сами накрыли обручальное кольцо. Я сжала его так сильно, что золото впилося в кожу. Вчера это кольцо едва не заставило Ассера поверить мне. Сегодня рядом лежала серьга его матери и превращала мою верность в хорошо разыгранную ложь.

— За день до исчезновения Восс расплатился этой серьгой в придорожном трактире, — объяснил Ассер. — Хозяин запомнил камень и офицерский мундир. Остальные украшения пока не найдены.

Мне вдруг стало холодно.

Так холодно, что задрожала челюсть. Зубы стукнулись друг о друга, когда я смотрела то на пустую шкатулку, то на мужа.

Ночная надежда осыпалась внутри острыми осколками. Марита. Кольцо. Следы, ведущие из леса. Почти тёплый взгляд Ассера. Его рука, остановившаяся возле моей щеки.

Всё это больше ничего не значило. Это все померкло в свете новой улики.

— Отец мог сам передать ему шкатулку, — выговорила я, цепляясь за единственное возможное объяснение. — Восс приезжал в поместье. Он мог получить её от твоего отца.

Ассер побледнел.

Глава 43

— Сначала отец возжелал жену собственного сына, потом похитил её, замуровал, подделал письма, украл драгоценности покойной супруги и отдал их человеку, которого собирался обвинить в связи с вами, — перечислил муж пугающе спокойно. — Удивительно деятельный человек.

Каждое слово било точно в то место, которое только начало оживать.

Я закрыла глаза.

— Я не знаю, как шкатулка оказалась у Восса, — с расстановкой произнесла я, прикрывая глаза.

— Зато я, кажется, знаю, — неприятным голосом произнёс Ассер.

Я заставила себя посмотреть на него.

В золотистых глазах больше не было ни сомнений, ни тепла.

— Полагаю, у нас вырисовывается очень грустная картина, — продолжил муж, медленно приближаясь к кровати. — Вы влюбились. Отреклись от мужа, имени и дома. Украли драгоценности моей матери и сбежали вместе с Воссом. А потом он забрал украшения и бросил вас одну.

— Нет... — опешила я.

Голос исчез.

Желудок сжался, к горлу подкатила горечь. Я снова почувствовала раскалённую пыль под израненными ступнями, вспомнила, как падала на обочине и поднималась, повторяя имя Ассера. Каждый шаг, сделанный ради него, муж теперь отдавал другому мужчине.

Меня не просто обвиняли в измене. У меня отнимали даже дорогу домой. Мой голод. Мою боль. Мою надежду увидеть мужа.

Я попыталась отодвинуть шкатулку, но пальцы не слушались.

— Именно поэтому вы оказались в лесу без вещей и денег, — произнёс Ассер, глядя на мою дрожащую руку. — Поэтому продали бриллианты с платья. Поэтому терпели голод и лишения, добираясь до дома. Не потому, что неделю провели в замурованной камере. А потому, что любовник ограбил вас и оставил умирать.

— Я не сбежала с ним! — закричала я, чувствуя, как слёзы обжигают лицо. — Я не брала эту шкатулку! Гаррет солгал! Твой отец заставил его!

Ассер отступил.

— И снова отец, — произнёс он с такой усталостью, что мне стало страшнее, чем от крика. — Каждый раз, когда появляется новое доказательство, виноватым оказывается мертвец.

Щека, которой прошлой ночью почти коснулись его пальцы, внезапно заледенела. Ассер отнял не только доверие. Он забрал обратно ту единственную нежность, которую я уже успела принять за начало возвращения.

Он повернулся к двери.

Каблук его сапога ударил о пол.

Один шаг.

Второй.

Третий.

Я замерла.

Перед глазами качнулся коридор, которого я не видела. Сильные руки старого герцога сжимали меня. Голова безвольно лежала на его плече. Тело не слушалось, но разум ещё цеплялся за глухой стук шагов.

Я считала их, чтобы не потерять сознание.

Чтобы понять, куда он меня несёт.

Двести шестнадцать. Двести семнадцать. Двести восемнадцать.

Вместе со стуком каблуков вернулась тошнотворная качка. Щека тёрлась о жёсткий сюртук старого герцога, его перстень впивался мне под колено, а каждый шаг отдавался в тяжёлой, одурманенной голове.

— Стой! — закричала я.

Глава 44

Ассер остановился возле двери и медленно обернулся.

Я сидела на постели, прижимая руку к бешено колотящемуся сердцу. Шкапулка лежала возле моих ног. Сergyа его матери сверкала на покрывале, словно жёлтый глаз мёртвого дракона.

— Я вспомнила, — выдохнула я. — Твой отец нёс меня двести восемнадцать шагов. Двести восемнадцать шагов из столовой!

Ассер медленно убрал руку с дверной ручки.

— Двести восемнадцать шагов, — повторил он, глядя на меня так, словно я только что нанесла ему ещё одно оскорбление. — Из столовой.

— Да, — выдохнула я, прижимая ладонь к груди. Сердце билось так сильно, что пальцы вздрагивали при каждом ударе. — Твой отец нёс меня. Я не могла пошевелиться, но ещё слышала его шаги. Я считала их, чтобы не потерять сознание.

Муж несколько секунд молчал.

Я ждала вопроса. Надеюсь увидеть на его лице хотя бы слабую тень сомнения. Но Ассер только устало закрыл глаза и провёл ладонью по лицу.

— Может быть, хватит? — спросил он так тихо, что мне стало страшно.

— Что? — растерялась я, не понимая, почему он не слышит меня. — Ассер, я вспомнила...

— Я слышал, что вы вспомнили, — перебил муж, и в его голосе наконец прорвалось раздражение. — Вчера вы вспомнили запах цветов. Сегодня — двести восемнадцать шагов. Завтра выяснится, что в стене вашей камеры было окно, из которого вы каждую ночь видели фамильный герб Вельтер.

Он повернулся к двери.

Я отбросила одеяло и вскочила с постели.

Ступни пронзило болью. Под повязками словно разом вспыхнули десятки раскалённых игл. Комната качнулась, но я ухватилась за столбик кровати и устояла.

— Я не лгу! — закричала я, чувствуя, как слёзы обжигают лицо. — Твой отец куда-то отнёс меня из столовой. Двести восемнадцать шагов! Разве это нельзя проверить?

Ассер резко развернулся.

Я не успела понять, как он оказался рядом. Его пальцы сомкнулись на моих плечах и дернули меня к нему, а потом резко отстранили на расстояние вытянутых рук.

— А что ещё вы хотите проверить? — спросил муж, глядя мне в глаза. Его лицо оставалось бледным, но золотистые глаза горели так ярко, что мне стало жарко. — Письма? Шкапулку? Sergyу моей матери, которой Восс расплатился в трактире? Может быть, мы поднимем его из могилы и спросим, почему фамильные драгоценности моей семьи оказались у него?

Пальцы Ассера сжались сильнее.

Он не причинял мне боли. Но я чувствовала, сколько силы скрыто в его руках. Видела, как под кожей на шее проступают тёмные чешуйки.

— Гаррет солгал, — прошептала я, не отрывая взгляда от мужа. — Я слышала, как он признался экономке. Твой отец приходит к слугам и заставляет их...

Глава 45

Ассер встряхнул меня.

Всего один раз.

Затылок дёрнулся, а слова оборвались. От неожиданности я судорожно вдохнула и почувствовала запах дыма, кожи и холодного утреннего воздуха, пропитавший его чёрный мундир.

Муж тут же замер.

Его взгляд скользнул по моему лицу. Пальцы на плечах ослабли, но он не отпустил меня.

— Мой отец мёртв, — произнёс Ассер сдавленным голосом. — Восс мёртв. И каждый человек, который мог бы опровергнуть ваши слова, почему-то не способен этого сделать. Один лежит в фамильном склепе. Другого нашли в заброшенном доме. Очень удобно, Эльсвита.

— Мне тоже было бы удобнее умереть! — закричала я, чувствуя, как внутри лопнуло что-то туго натянутое. — Тогда ты мог бы любить меня, как своего отца! Мёртвой и святой!

Лицо Ассера исказилось.

Он отпустил меня так резко, словно обжёгся, и отступил к окну. Несколько секунд муж стоял ко мне спиной. Его плечи под чёрным мундиром едва заметно поднимались от тяжёлого дыхания.

Я снова ухватилась за кровать.

Ноги дрожали. Во рту появился металлический привкус, а шкатулка возле подушки казалась чёрной дырой, в которую проваливалось всё, что ещё оставалось от нашего брака.

— Ты говоришь, что веришь фактам, — произнесла я, пытаюсь справиться с дыханием. — Но доктор подтвердил, что я голодала. Марита видела, в каком состоянии я вышла из леса. Она видела моё кольцо. Видела, как я целовала его.

Ассер медленно повернул голову.

— Да, — ответил он. — Доктор подтвердил, что вы долго голодали и шли пешком. Марита подтвердила, что вы вышли к ней одна, без вещей и денег. Ни один из них не видел камеры. Ни один не видел моего отца. Ни один не может сказать, где вы находились до того, как оказались в лесу.

Холод пополз по спине.

— Но кольцо... — прошептала я, чувствуя, как обручальное кольцо впилося в сжатый палец.

Ассер посмотрел на мою руку.

В его глазах появилось такое выражение, что я невольно спрятала ладонь в складках ночной рубашки.

— Восс бросил вас, — произнёс муж пугающе спокойно. — Забрал драгоценности и оставил одну. Возможно, вы действительно едва не умерли. Возможно, каждую ночь думали, что не дойдёте до людей. И тогда вспомнили обо мне.

У меня перехватило дыхание.

— Нет, — выдавила я, уже понимая, что он скажет дальше.

Ассер медленно приблизился.

— Я никогда не бросал вас в лесу, Эльсвита, — продолжил он, остановившись напротив. — Я не отнимал у вас последнюю еду. Не забирал украшения. Не заставлял расплачиваться бриллиантами с платья. Вы поняли, что единственное надёжное, что у вас осталось, — это наш брак. Поэтому и целовали кольцо.

Каждое его слово входило под кожу медленно и осторожно.

Я попыталась сглотнуть, но горло не слушалось. Золото кольца впилося в распухший палец, и я вдруг спрятала руку в складках рубашки. Мне стало стыдно, что Ассер видит кольцо,

которое ещё вчера было доказательством моей любви, а сегодня превратилось в улику против меня.

Я смотрела на мужа и не могла поверить, что он способен взять единственное доказательство моей любви и превратить его в доказательство измены.

— Я целовала кольцо, потому что думала о тебе, — произнесла я онемевшими губами.
— Я шла домой к тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.